

*Энн Тайлер
очень убедительно и увлекательно
пишет о том, что такое быть частью
семьи, соответственно,
вообще жить.*

АФИША

МОРГАН

УСКОЛЬЗАЕТ

роман

ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

Энн Тайлер
Морган ускользает

«Фантом Пресс»

1980

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Тайлер Э.

Морган ускользает / Э. Тайлер — «Фантом Пресс», 1980

Конец 1960-х. Моргану за 40, у него косматая борода, из-за которой он выглядит гораздо старше. Морган – обладатель обширного гардероба из самых причудливых костюмов и удивительных головных уборов: от тропического шлема до наполеоновской треуголки. Каждый день Морган меняет наряды, примеряя новые личины, и в своих странных костюмах он бесцельно прогуливается по улицам, спасаясь от домашней тоски. Его фантазии – бегство из реальности, в которой у него милая, но ничем не примечательная жена, выводок из семи дочерей, несчастливая сестра и полубезумная матушка. Выдумщик Морган заперт внутри своего семейного бытования, ему чудится, что настоящая жизнь, бурная, яркая, необычная, где-то совсем рядом, надо лишь внимательно всматриваться в мир, и однажды он тебе откроется во всем своем многообразии. И как-то раз Морган встречает Эмили и Леона, скитальцев по собственному выбору, показывающих то тут, то там кукольные спектакли. И отныне жизнь Моргана меняется... Экцентричный, причудливый, ироничный, грустный и очень теплый роман Энн Тайлер о семье, ее радостях и ужасах.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

© Тайлер Э., 1980
© Фантом Пресс, 1980

Содержание

1967	6
1968	18
1	18
2	26
3	28
4	32
5	33
6	36
1969	39
1	39
2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Энн Тайлер

Морган ускользает

MORGAN'S PASSING by ANNE TYLER
Copyright © 1980 by Anne Tyler Modarressi

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

© Сергей Ильин, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2017

* * *

Энн Тайлер выросла в Северной Каролине. В университете она специализировалась в области русского языка, истории и литературы. В 1963-м вышла замуж за детского психиатра и романиста – иранца Таги Мохаммеда Модарессии. Ее муж, политический беженец, также писал романы, но на фарси. Через несколько лет пара переехала в Балтимор, где Энн Тайлер живет и поныне. Этот небольшой город стал местом действия многих ее книг. Работать над первым романом писательница начала вскоре после замужества; вышел он в 1964-м, но Тайлер впоследствии была крайне недовольна двумя первыми книгами, как-то в интервью даже призналась, что «с радостью бы сожгла их». Переехав в Балтимор, Энн Тайлер оставила писательство. И только в 1970-м она вернулась к литературе. Лучшим своим романом того периода Энн Тайлер считает «В поисках Калеба», книгу заметил и похвалил Джон Апдайк, написавший: «Смешная, лиричная, честная и элегантная книга... Эта писательница не просто хороша, она дьявольски хороша». 1980-е в американской литературе стали десятилетием Энн Тайлер. Роман «Ужин в ресторане “Тоска по дому”» в 1983-м попал в число финалистов двух самых престижных американских премий – Пулитцеровской и премии Фолкнера, а также премии *American Book Awards*. Следующий – «Случайный турист» – снова оказался среди номинантов трех премий. И наконец, роман «Уроки дыхания» в 1989-м получил Пулитцеровскую премию и был назван многими изданиями «книгой года». Новый век Энн Тайлер встретила в статусе живого классика, каждая ее книга вызывала живейший интерес. В 2015-м ее роман «Катушка синих ниток» попал в короткий список премии «Букер», а также стал большим мировым бестселлером. Энн Тайлер по-прежнему живет в своем старом доме в Балтиморе, она крайне редко дает интервью и ведет практически затворнический образ жизни.

1967

Каждый год пресвитерианская церковь устраивала пасхальную ярмарку. Ранним субботним утром длинный покатый склон холма, на котором стояла церковь, обрастал шатрами, расписными киосками, аттракционами, предоставляемыми увеселительной компанией «Счастливые деньки», и большими деревянными ларьками на колесах, чьи окна медленно заполнялись намасленным попкорном. Белый кролик в шесть футов ростом чинно кланялся, раздавая драже из корзинки. После полудня за зданием воскресной школы устраивали поиски пасхальных яиц, и победители получали в награду шоколадных курочек. Отовсюду неслась музыка, обрывки томных мелодий переплетались, а в воздухе пахло неизменной сахарной ватой.

Однако климат Балтимора непредсказуем. Иногда для ярмарки бывало слишком холодно. В тот год, когда Пасха пришлась на март, трава подрасти не успела, и поиски яиц обратились в комедию. Они глупо лежали у всех на виду, разбросанные по лысой бурой лужайке, и дети хватали их руками в варежках. Взрослые в свитерах и шарфах стояли вокруг, нахохлившись. Выглядели они так, точно забрели ненароком не в то время года. Без людей ярмарка производила бы более приятное впечатление – полосатые шатры, плещущие фесто-нами весенних расцветок, играющая «После бала» карусель и скачущие без седоков пласт-массовые лошадки.

В бело-зеленом шатре, освещенном изнутри зеленоватым светом, шел кукольный спектакль, и публику пробирала дрожь при виде Золушки в бальном платье без бретелек. То была перчаточная кукла с круглой головкой и локонами из желтых ниток. Она танцевала с Принцем, причесанным, как мальчик на банке краски «Голландский парнишка». Они так любовно обнимали друг друга – легко было забыть, что это всего лишь две сомкнутые ладони. «Какой у тебя прекрасный дворец, – говорила Принцу Золушка. – Полы словно зеркальные. Интересно, кто их натирает?»

Голос у нее был грудной, насмешливый, нисколько не кукольный. Никто не удивился бы, увидев пар над ее намалеванным ртом.

Принц сказал: «Понятия не имею, мисс... как, вы сказали, вас зовут?»

Вместо ответа она опустила взгляд на свои ноги. Пауза затянулась. На складных стульях заерзали дети. Становилось все яснее, что бальный зал – это никакой не зал, а огромная картонная коробка с вырезанной передней стенкой и марлевой занавеской на задней. Какой-то ребенок среди зрителей сказал:

– Я писать хочу.

– Чш-ш.

«Как вас зовут?» – повторил Принц.

Почему она молчит?

На самом деле, поняли дети, это всего только кукла. Они откинулись на спинки стульев. Что-то пошло не так. Даже на лицах родителей обозначилось недоумение.

Неожиданно Золушка самым неестественным образом упала ничком, из-под юбки ее выскользнула и скрылась за марлевым занавесом человеческая ладонь. Дети вытаращили глаза. На сцене лежала мертвая, пустая оболочка Золушки, откинувшая назад словно бы сломанные руки.

– Все кончилось? – спросил у матери кто-то из детей.

– Тише. Сиди спокойно. Ты же знаешь, чем это кончается.

– Ну а где тогда остальное? Может, пойдём отсюда?

– Подожди. Там кто-то показался.

Это был взрослый – условно говоря; он ощупью выбрался из-за простыни, которая висела с одного боку сцены. Смуглый худой юноша в штанах хаки и ржавого цвета вельветовой куртке поверх старой, до полусмерти застиранной белой рубашки. В нем ощущалась какая-то ожесточенность – в изгибе губ, может быть, или в вызывающе приподнятом подбородке.

– Леди и джентльмены... – сказал он, проведя ладонью по волосам. – Мальчики и девочки...

– Это Принц, – сказал ребенок.

– Мальчики и девочки, случилась... болезнь. Представление окончено. В кассе вы сможете получить назад ваши деньги.

Он отвернулся, не дожидая реакции публики, и ухватился за простыню, но затем ему, похоже, пришла в голову новая мысль.

– Извините, – сказал он и снова провел ладонью по волосам (то-то они были такими всклокоченными и спутанными). И спросил: – Нет ли здесь врача?

Зрители переглядывались – большинству было лет пять. Врача не оказалось. Молодой человек коротко и резко вздохнул, приподнял угол простыни. Но тут встал сидевший в заднем ряду мужчина.

– Я врач, – сказал он.

Высокий, худошавый, бородатый мужчина в костюме из ворсистой коричневой ткани, вполне пригодной для шитья одеял, в красной лыжной шапочке конусом, с помпоном. Из-под шапочки выбивались пряди вьющихся черных волос. Борода у него была такой растрепанной, черной и лохматой, что определить возраст мужчины было затруднительно. Сорок? Сорок пять? Во всяком случае, он был намного старше обычного зрителя кукольных спектаклей, а ребенок, который мог бы объяснить его присутствие здесь, мужчину не сопровождал. Он вытянул шею, добродушно улыбаясь, поводя из стороны в сторону длинным тощим носом и ожидая, когда ему скажут, чем он может помочь. Молодой человек немного успокоился, напряжение отчасти сошло с его лица.

– Идите сюда, – сказал он, откидывая простыню.

Переступая через ноги взрослых, обходя уже устремившихся наружу детей, доктор направился к молодому человеку. Добрался, вытер о брюки ладони и нагнулся, чтобы пройти под простыней.

– С кем тут неладно? – спросил он.

– С ней, – ответил молодой человек и указал на сидевшую поверх кипы муслиновой ткани светловолосую девушку.

Узкокостная, хрупкая, но с огромным животом, она сидела, баюкая свой живот, оберегая его, и смотрела на доктора спокойными серыми глазами. Губы ее были до того бесцветными, что почти и неразличимыми.

– Понятно, – сказал доктор.

Поддернув брюки, он опустился рядом с ней на колени, наклонился, чтобы положить ладонь ей на живот. Пауза. Доктор хмурился, глядя на стену шатра, что-то прикидывая.

– Да... – Он выпрямился, взглянул девушке в лицо и спросил: – Какие промежутки между схватками?

– Никаких, – насмешливым голосом Золушки ответила девушка.

– Идут одна за другой? А когда начались?

– Около... часа назад, верно, Леон? Когда мы готовились к представлению.

Густые черные брови доктора поползли вверх.

– Очень странно, – сказал он, – что они участились так быстро.

– Ну тем не менее, – прозаически ответила девушка.

Доктор, побряхтывая, встал, отряхнул колени:

– Что ж, полагаю, для пущей безопасности вам лучше отправиться в больницу. Где ваша машина?

– У нас нет машины, – ответил молодой человек.

– Нет машины?

Доктор поозирался кругом, словно пытаясь понять, как сюда попала вся их оснастка: громоздкая сцена, груда костюмчиков, винная коробка, из картонных отделений которой торчали головы кукол.

– Нас подвез на грузовике мистер Кенни, – сказал молодой человек. – Председатель комитета по сбору средств.

– Ладно. Тогда пошли со мной, – сказал доктор. – Я отвезу вас. – Похоже, его такая возможность искренне обрадовала. Он спросил: – Да, а куклы? Возьмем их с собой?

– Нет, – ответил молодой человек. – Какое мне дело до кукол? Надо поскорее отвезти ее в больницу.

– Как хотите. – Однако, прежде чем помочь молодому человеку поднять девушку на ноги, доктор огляделся еще раз, словно сожалея о некоей утраченной возможности. И спросил: – Из чего они сделаны?

– Что? – не понял молодой человек. – А, да просто из... всякой всячины. – Он протянул девушке ее сумочку и добавил: – Их Эмили делает.

– Эмили?

– Вот она, Эмили, моя жена. А я – Леон Мередит.

– Рад знакомству, – сказал доктор.

– Они из резиновых мячиков, – сказала Эмили.

Встав на ноги, она оказалась даже более хрупкой, чем выглядела до этого. Эмили повела двоих мужчин к выходу из шатра, грациозно ступая и улыбаясь еще остававшимся там детям. Измятая черная юбка неровно прикрывала ее голени, тонкий белый кардиган с прилипшими к нему черными шерстинками и ниточками и близко не сходил на раздувшемся животе.

– Беру обычный дешевенький резиновый мячик, – говорила она, – прорезаю ножом дырку для шеи. Потом натягиваю на него нейлоновый чулок, пришиваю глаза и нос, рисую рот, делаю волосы из...

Голос девушки пресекся, и доктор окинул ее быстрым взглядом.

– Чем чулки дешевле, тем лучше, – продолжала она. – Они розовые и издали больше походят на кожу.

– Далеко нам идти? – спросил Леон.

– Нет-нет, – ответил доктор. – Моя машина стоит на главной парковке.

– Может, лучше «скорую» вызвать?

– Думаю, она не понадобится, – сказал доктор.

– А вдруг роды начнутся раньше, чем мы доберемся до больницы?

– Вы уж поверьте, если бы я считал это хоть сколько-то вероятным, то повел бы себя иначе. У меня вовсе нет желания принимать роды в моем «пантиаке».

– О господи, только не это, – сказал Леон и скосился на руки доктора, которые выглядели не так чтобы очень чистыми. – Но Эмили говорит, что он может родиться в любую минуту.

– Это верно, – спокойно подтвердила Эмили.

Она шла между ними, без какой-либо помощи поднимаясь по склону к парковке. И поддерживала ребенка на весу, как будто он уже существовал отдельно от нее. С плеча Эмили свисала потертая черная сумочка. В солнечном свете волосы ее, уложенные двумя косами вокруг головы, серебрились, вверх выбивались похожие на маленькие штопоры прядки, словно притянутые магнитом металлические опилки. Кожа Эмили казалась холодной, тон-

кой и бледной, но глаза оставались спокойными. Похоже, она ничего не боялась. И взгляд доктора встретила твердым взглядом.

– Я его чувствую, – сказала она.

– Он у вас первый?

– Да.

– Ага, но тогда он, понимаете ли, никак не может родиться быстро, – сказал доктор. – Самое раннее – глубокой ночью, а то и утром. У вас же и схватки-то начались не больше часа назад!

– Может, так, а может, и нет, – ответила Эмили и вдруг, тряхнув головой, исподлобья посмотрела на доктора. – Вообще-то боль в спине началась еще в два часа ночи. Возможно, это и были схватки, а я просто *не поняла*.

Леон тоже смотрел на доктора, который вроде бы на миг заколебался.

– Доктор?..

– Все мои пациенты уверяют меня, что их ребенок вот прямо сейчас родится, – сказал Леону доктор. – И этого никогда не случается.

Они уже дошли до белого щебня парковки. Ее пересекали самые разные люди – одни только что приехали и шли, придерживая свои плащи, которые норовил вздуть ветер, другие уже покидали ярмарку – с шариками, плачущими детьми, плоскими картонными коробками с подрагивавшей помидорной рассадой.

– Тебе не холодно? – спросил Леон. – Хочешь мою куртку?

– Все хорошо, – ответила Эмили, хотя под кардиганом у нее только и было одежды, что жалкая черная футболка, а обутые в тоненькие, как бумага, балетные туфельки ноги были голы.

– Ты же наверняка мерзнешь, – сказал Леон.

– Все *в порядке*, Леон.

– Это адреналин, – отсутствующе заметил доктор. Он уже остановился наверху склона и, поглаживая бороду, оглядывал парковку. – Что-то не вижу я моей машины.

Леон произнес:

– О боже.

– Да нет, вон она. Не пугайтесь.

Машина была явно семейная – тупорылая, немодная, с привязанной к антенне красной обтрепанной ленточкой для волос и надписью ПОМОЙ ЕЕ, выведенной пальцем по запыленному крылу. Внутри валялись школьные учебники, грязные носки, спортивные шорты. Доктор, опершись коленями о переднее сиденье, колотил по заднему, пока наваленные грудой киножурнальчики не слетели на пол. А затем сказал:

– Ну вот. Садитесь сзади, там вам будет удобнее.

Сам он уселся за руль, включил двигатель, и тот жалобно, монотонно заныл. Эмили с Леоном расположились сзади. Эмили, обнаружив под правой ногой кед, взяла его двумя пальцами и переложила себе на колени.

– Итак, – сказал доктор. – Какая больница?

Эмили и Леон переглянулись.

– Городская? Университетская? Хопкинс?

– Та, что поближе, – сказал Леон.

– Но в какой вы зарегистрированы? Где работает ваш врач?

– Мы нигде не зарегистрированы, – ответила Эмили, – и врача у нас нет.

– Ясно.

– Поезжайте *в любую*, – сказал Леон. – Главное, чтобы она туда попала.

– Хорошо. – Доктор вывел машину с парковки. Скорости у нее переключались со скрежетом.

Леон сказал:

– Наверное, нам следовало уладить это раньше.

– Вообще-то, да, – согласился доктор. Он затормозил, посмотрел направо, налево и вклинился в поток машин на Фарли-стрит. Они ехали по новому, пока не достроенному толком, не включенному в черту города району: одноэтажные дома, голые, без деревьев, лужайки, еще одна церковь, торговый центр. – Но полагаю, жизнь вы ведете наполовину бродячую.

– Бродячую?

– Привольную. Корней нигде не пускаете, – пояснил доктор.

Он похлопал себя по карманам, нашел пачку «Кэмел». Вытряс из нее сигарету, закурил. Процесс сопровождался такой неуклюжей возней, проклятьями, стараниями подхватить падавшие предметы, что оставалось лишь удивляться, как это другим водителям удалось не столкнуться с ним. Чиркнув наконец спичкой, он затаился, выдохнул большое облако дыма и закашлялся. «Понтиак» мотало с полосы на полосу. Доктор постучал себя по груди и сказал:

– Вы, я думаю, ездите с одной ярмарки на другую, так? Просто следуете за праздниками, останавливаясь там, куда вас занесет.

– Нет, на самом деле...

– Все-таки жаль, что вы кукол не прихватили, – продолжал доктор.

Он свернул на улицу пошире. Здесь ему пришлось сбавить скорость, машина тащилась мимо магазинов мебели и ковров по пятам за огромным грузовым фургоном с надписью «Мейфлауэр», полностью заслонявшим обзор.

– Мы не к светофору ли приближаемся? – поинтересовался доктор. – Какой там, красный или зеленый? Ничего не видно. Да, так что же с носами, с носами кукол? Из чего вы сделали нос мачехи? Из морковки?

– Как-как? – переспросила Эмили. – Нос?

По-видимому, она его не слушала.

– Простите, – сказала она. – Из меня какая-то вода течет.

Доктор затормозил, взглянул в зеркальце заднего вида. И встретился взглядом с Леоном.

– Вы не могли бы поторопиться? – спросил тот.

– Я *тороплюсь*, – ответил доктор.

Он еще раз затаился, держа сигарету большим и указательным пальцами. Воздух в машине стал голубым, расслоился. Впереди «Мейфлауэр» пытался повернуть налево. При его маневренности это могло занять весь день.

– Погудите, – попросил Леон.

Доктор погудел. Потом сжал сигарету зубами и вывернул на правую полосу, где в него едва не врезалась быстро нагонявшая их машина. Теперь гудки неслись отовсюду. Доктор вернулся в левый ряд, включил сигнал поворота налево и понесся к следующему светофору, рядом с которым покачивался знак ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ ЗАПРЕЩЕН. С кончика сигареты свисал, подрагивая, длинный столбик пепла. Через секунду он осыпался на пол, на руль, на колени водителя. *После того как кончится бал*, – пропел доктор и снова взял вправо, прорезал стоянку заправочной станции «Ситгоу», резко свернул налево и выехал на нужную ему улицу. – *И загорится заря...*

Одна рука Леона сжимала спинку переднего сиденья, другой он придерживал Эмили. Та смотрела в боковое окно.

– Я всегда хожу на ярмарки, на все, какие бывают в городе, – сказал доктор. – Школьные, церковные, итальянские, украинские... Мне по душе тамошняя еда. И аттракционы. Нравится наблюдать за людьми, которые ими управляют. Каково это – работать на ярмарке?

Раньше я брал с собой дочерей, но теперь они выросли, говорят: «Что мне там делать?» Я спрашиваю: «Я вот не слишком стар для них, когда же ты успела состариться?» Младшей и десяти еще нет. Как она может быть слишком взрослой для ярмарки?

– Ребенок выходит, – сказала Эмили.

– Прошу прощения?

– Ребенок. Я его чувствую.

Доктор снова взглянул в зеркальце. Глаза его были старше всего остального – скорбные, карие, налитые кровью, с дряблыми мешочками цвета помятого банана. Он приоткрыл рот – или Леону это показалось? Во всяком случае, борода доктора удлинилась. А потом укоротилась снова.

– Остановите машину, – попросил Леон.

– Ну... э-э, да, пожалуй, – ответил доктор.

Он припарковался около пожарной водоклонки, перед крошечной пиццерией под названием «Домашняя кухня Марии». Леон растирал запястья Эмили. Доктор вылез из машины и стоял, почесывая голову под лыжной шапочкой, вид у него был озадаченный.

– Простите, – сказал он Леону. Тот тоже выбрался из машины. Доктор наклонился к окошку и спросил: – Говорите, что чувствуете его?

– Я чувствую головку.

– Конечно, она ошибается, – сказал доктор Леону. – Знаете, сколько времени занимают в среднем первые роды? От десяти до двенадцати часов. Это еще самое малое. Они тянутся и тянутся, уж поверьте. Нет ни малейшего шанса, что младенец уже начал выбираться на свет.

Однако, произнося это, он уложил Эмили на сиденье и приподнял, собирая в аккуратные складки, ее промокшую юбку.

– Да какого же?.. – Оказалось, что ее футболка – вовсе не футболка, а леотард, закрывающий промежность. Доктор поморщился и разорвал его по центральному шву. И сообщил: – Она права.

– Так *делайте* что-нибудь, – попросил Леон. – Что вы собираетесь сделать?

– Идите и купите газет, – велел ему доктор. – Сгодятся любые – «Ньюс Америкэн», «Сан»... но только свежие, понимаете? Не берите тех, что отдают клиенты закусовых, когда уже прочитают...

– О господи, господи, у меня нет мелочи, – запричитал Леон.

Доктор начал рыться по карманам. Вытащил помятую пачку «Кэмел», две мармеладины с прилипшими нитками, тюбик таблеток от изжоги.

– Эмили, – спросил он, – у вас не найдется мелочи примерно на доллар?

Эмили ответила что-то, походившее на «да», завертела головой из стороны в сторону.

– Посмотрим в ее сумочке, – решил доктор. Они пошарили по полу, среди спортивной одежды и соломинок от содовой. Леон поднял сумочку за ремешок. Порылся в ней, отыскал бумажник и убежал, бормоча: «Газеты. Газеты». Улица была веселая, людная, с замусоренными тротуарами, вдоль которых выстроились рядом закусовые, химчистки, цветочные магазинчики. Перед одним кафе были выставлены газеты в запертых стеклянных ящиках.

Доктор бросил окурок на асфальт, раздавил. Снял пиджак. Закатал рукава и поглубже заправил рубашку в брюки. Затем нагнулся, всунулся в машину и положил ладонь на живот Эмили.

– Дышите верхом груди, – велел он. Мечтательный взгляд доктора, что-то негромко напевавшего, был направлен в противоположное окошко, за которым громыхали грузовики и автобусы. Холодный ветер шевелил темные волоски у него на руках.

По тротуару прошла, щелкая высокими каблуками, женщина, совершенно не заметившая того, что происходило в машине. Потом – две девочки-подростка, поедавшие сливоч-

ную помадку из белого бумажного пакета. Шаги их замедлились, и доктор, услышав это, обернулся:

– Вы, двое! Позвоните-ка в «скорую». Скажите, что тут роды начались.

Девочки вытаращили глаза. Два одинаковых кубика помадки замерли на полпути к их ртам.

– Ну? Бегите, – поторопил доктор.

Девочки понеслись к «Домашней кухне Марии», а доктор снова повернулся к Эмили.

– Как дела? – спросил он.

Эмили застонала.

Вернулся с пачкой газет запыхавшийся Леон. Доктор начал расстилать их под Эмили и вокруг нее.

– Ну что же, – будничным тоном заметил он, – какая-никакая антисептика у нас будет.

Леон его, похоже, не услышал. Доктор обернул двумя газетными листами бедра Эмили. Она начинала казаться ему привычной принадлежностью машины. Он повесил спортивный раздел на спинку заднего сиденья, закрепил его на выступе под окном, придавив кедом, который Эмили все это время прижимала к себе.

– Далее, – сказал он, – мне нужны две полоски ткани в два дюйма шириной и в шесть длиной. Оторвите подол от вашей рубашки, Леон.

– Я хочу покончить с этим, – сказала Эмили.

– Покончить? – спросил доктор.

– Я передумала.

Из «Домашней кухни Марии» вышел повар – крупный мужчина в заляпанном томатным соусом переднике. Недолгое время он понаблюдал за Леоном, который стоял в одних джинсах у машины, дергая трясущимися руками за подол рубашки. Ребра Леона торчали наружу, лопатки были заостренными, точно цыплячьи крылья. Слишком молод он был для таких испытаний. Повар подошел, отнял у него рубашку и разодрал ее.

– Спасибо, – сказал Леон.

– Это зачем? – спросил повар.

– Ему нужны две полоски ткани, – пояснил Леон. – Два дюйма в ширину, шесть в длину. А зачем, я не знаю.

Повар, следуя инструкциям, оторвал полоски. Рубашку он вернул Леону, а полоски отдал доктору, и тот аккуратно повесил их на внутреннюю ручку дверцы. Повар оперся широкой мясистой ладонью о крышу машины и наклонился, чтобы кивнуть Эмили.

– День добрый, – сказал он.

– Здравствуйте, – вежливо ответила Эмили.

– Как дела?

– О, хорошо.

– Сначала кажется, что ему охота вылезти оттуда и народиться, – сказал повар, – а потом, что он вроде как назад вернуться хочет.

– Шли бы вы отсюда, – сказал Леон.

Повар пропустил это мимо ушей.

– Те девочки, которых вы послали «скорую» вызывать, – сказал он доктору. – Они по моему телефону звонят, бесплатно.

– Хорошо. – Доктор сжал ладонями головку ребенка – темную, мокрую, блестящую выпуклость. И сказал: – Тужься, Эмили. А вы, Мария, будьте добры, нажимайте ладонями ей на живот, ровно и медленно.

– Ну вот, ну вот, – приговаривал, нажимая, повар.

Леон сидел на корточках на бордюре, покусывая костяшку пальца; рубашку он надел, но не застегнул. За его спиной собралась небольшая толпа. Девочки-подростки стояли при-

тихшие, забыв о пакете со сливочной помадкой. Мужчина спрашивал у всех, вызвана ли «скорая». Старуха рассказывала женщине помоложе о какой-то Декстер, у которой ребенок родился ногами вперед и со множеством осложнений.

– Тужься, – повторил доктор.

Все умолкли. Казалось, даже движение на улице стихло.

Но вот доктор отступил от машины, держа в руках тусклый, скользкий комочек. Что-то сдвинулось. Тихий, сдавленный звук, донесшийся из совсем неожиданного места. Случилось все мгновенно, и в этот миг каждый в толпе смотрел не в ту сторону, а комочек вдруг обратился в воющее, извивающееся, неистовое, гневное мельтешение красных ручек, ножек и спирального телефонного провода.

«Ох», – вымолвила, вновь задышав, толпа.

– Девочка, – сказал доктор. И передал ее повару. – Вы девочку хотели?

– Да кого угодно! – ответил повар. – Была бы только здоровенькая. Привет, малышка.

– Я у Эмили спрашивал, – мирно пояснил доктор. Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать младенца, на удивление громогласного. И, наклонившись к Эмили, доктор нажал обеими руками на ее живот: – Эмили? У вас все хорошо? Потужьтесь, пожалуйста, еще.

Пока он давил ей на живот, Эмили не могла набрать в грудь столько воздуха, чтобы заговорить, но едва он снял с живота ладони, сказала:

– Все хорошо. Дайте мне дочку.

Повару, похоже, не хотелось расставаться с девочкой. Он покачал ее, прижимая к переднику, ненадолго задумался, вздохнул. И отдал доктору. Тот осмотрел дыхательные пути, казавшийся расплюснутым нос, разинутый в крике рот.

– Раз она так шумит, значит, все у нее в порядке, – сказал он и нагнулся, чтобы передать девочку Эмили. Та уложила голову дочери себе на плечо, однако вопли продолжались, тоненькие и неистовые, а после каждого выдоха девочка икала.

– Что вы сделали с полосками ткани? – спросил доктор у Леона.

Леон уже встал, чтобы получше разглядеть малышку. Губы его сами собой растягивались в улыбку, и он старался их приструнить.

– Ткани? – переспросил он.

– Полоски, которые вы оторвали, черт подери. Мы еще далеко не закончили.

– Вы повесили их на дверную ручку, – сказал кто-то в толпе.

– Ах да, – вспомнил доктор.

Он снял одну, склонился внутрь машины и перевязал пуповину младенца. Какими бы тупыми и неуклюжими ни казались его пальцы, он вроде бы знал, что делает. *После того как кончится бал*, – пропел он приглушаемым бородой голосом. Когда он завязывал вторую полоску, послышался далекий вой, звучащий как продолжение воплей младенца – такой же тонкий, словно разжиженный ветром. Потом вой обрел самостоятельность и стал более пронзительным.

– «Скорая!» – воскликнул Леон. – Я слышу «скорую», Эмили.

– Отправь ее обратно, – сказала Эмили.

– Они отвезут тебя в больницу, лапа. Теперь все будет хорошо.

– Да все уже кончилось! Мне обязательно ехать с ними? – спросила она у доктора.

– Безусловно, – ответил тот. И отступил на шаг, чтобы полюбоваться своими узлами, имевшими немалое сходство с бантами на хвосте воздушного змея. – На самом деле они приехали как раз вовремя. Мне нечем перерезать пуповину.

– Возьмите мой швейцарский нож, офицерский, – предложила Эмили. – Он в сумочке.

В нем есть ножницы.

– Замечательно, – сказал доктор и покачался, лучезарно улыбаясь ей, на каблуках. Зубы за его всклокоченной бородой казались очень большими и желтыми.

Сирена приближалась. Показался вилявший среди машин вращающийся красный фонарь, и вот уже рядом с машиной доктора визгливо затормозила «скорая». Из нее выскочили двое мужчин в белом.

– Где она? – спросил один.

– Мы здесь, – отозвался доктор.

Мужчины распахнули задние дверцы «скорой», со стуком опустили на асфальт носилки – вернее, койку на колесах, слишком узкую и длинную, совсем как гроб, с переизбитком хромированных частей. Эмили попыталась сесть. Младенец замолк, не dokonчив вопля, словно от изумления.

– Обязательно ехать? – еще раз спросила у доктора Эмили. И пока санитары помогали ей выбраться из машины и укладывали (вместе с газетами) на носилки, она все смотрела на доктора, словно ожидая спасения. – Доктор? Я не переносу больниц. Мне обязательно ехать?

– Конечно, – заверил ее доктор. Он наклонился за сумочкой, положил ее на носилки.

– Леон тоже поедет?

– Непременно.

– А вы?

– Я? О.

– Вам лучше поехать, док, – сказал водитель «скорой», разворачивая над Эмили простыню.

– Ну, если хотите, – согласился доктор.

Он закрыл дверцу своей машины и пошел вслед за носилками к «скорой». Внутри обнаружили еще одни, пустые, стоявшие вдоль тех, на которых лежала Эмили. Доктор с Леоном осторожно присели на них с краешку, растопырив колени.

– Весьма элегантно, – сказал Леону доктор. Надо полагать, он имел в виду обустроенность «скорой»: толстый ковер на полу, поблескивающие емкости, какие-то приборы.

Санитары захлопнули дверцы, и внезапно наступила чудесная тишина. Шум улицы стих, за тонированными окнами люди перемещались по тротуару, как обитатели океанского дна, беззвучно и медленно. «Скорая» тронулась. Мимо проплыли кафе и ломбард. Даже сирена звучала теперь приглушенно, точно старомодный радиоприемник.

– Как вы себя чувствуете? – спросил у Эмили доктор.

– Хорошо, – ответила та. Она лежала неподвижно, косы ее растрепались, спутались. Ребенок строго смотрел в потолок.

– Мы вам так благодарны, – сказал доктору Леон.

– Да пустяки, – ответил доктор, и уголки его рта опустились, как у недовольного чьего-то человека.

– Если бы Эмили не была так против больниц, мы бы, наверное, подготовились заранее. Однако ребенок должен был родиться только через пару недель. Вот мы и откладывали.

– К тому же вы, насколько я понимаю, постоянно в разъездах, – сказал доктор.

– Нет-нет...

– Но ваш образ жизни! Вряд ли вам удастся планировать что-то на долгий срок.

– Вы заблуждаетесь на наш счет, – сказала Эмили. Под свежей простыней, скрывавшей газеты и мокрую юбку, она выглядела как невинная девушка – чистая, неприступная, с обращенным вовнутрь взором. – Вы считаете нас какими-то бродягами, но это не так. Мы законным образом женаты, у нас обычная квартира, с мебелью. И ребенка мы запланировали давно. Мы собираемся даже использовать службу доставки пеленок. Я уже созвонилась с ней, мне сказали, чтобы я сообщила, когда родится ребенок, и их сразу начнут доставлять.

– Понятно, – покивал доктор. Судя по всему, слушая Эмили, он получал удовольствие. Спутанная борода его покачивалась вверх-вниз, помпон на шапочке подпрыгивал.

– Мы спланировали каждую мелочь, – продолжала Эмили. – Колыбельку покупать не станем, это излишество. Пока будем использовать обшитую изнутри тканью картонную коробку.

– О, чудесно, – восторженно согласился доктор.

– А когда она вырастет из коробки, закажем алюминиевую детскую кроватку, которую видели в каталоге. Ее легко приспособить под любой матрас. Какой смысл обзаводиться кучей всяких вещей – колыбельками, прогулочными колясками, резиновыми ванночками? Алюминиевая кроватка хороша еще тем, что ею можно пользоваться в отелях или в чужой квартире. И разъезжать с ней удобно.

– Разъезжать, да, – эхом отозвался доктор и зажал ладони между коленей, накрываясь вместе с быстро описывавшей кривую «скорой».

– Но мы не... я хочу сказать, мы иногда выезжаем, но только для того, чтобы давать представления. Где-то за городом люди хотят посмотреть «Белоснежку» или «Золушку». Однако ночуем мы почти всегда дома. Просто мы люди не *инертные*. Вы неверно о нас думаете.

– Разве я называл вас инертными? – спросил доктор. И посмотрел на Леона: – Называл? Леон пожал плечами.

– У нас все продумано, – сказала Эмили.

– Да, я вижу, – мягко ответил доктор.

Леон откашлялся.

– Кстати, – сказал он, – мы еще не поговорили об оплате.

– Оплате?

– Ваших услуг.

– О, за неотложную помощь денег не берут, – сказал доктор. – Разве вы этого не знаете?

– Нет, – ответил Леон.

Он и доктор словно старались переглядеть один другого. Леон приподнял подбородок, и свет упал на его скулы. Он был из тех мужчин, которые выглядят постоянно готовыми дать отпор – челюсть выпячена, плечи напряжены.

– Я не принимаю даровую помощь, – сказал он.

– Кто же говорит про даровую? – ответил доктор. – Я ожидаю, что вы назовете в мою честь ребенка.

Он засмеялся – хрипло, взъерошив дыханием бороду.

– А как вас зовут? – спросила Эмили.

– Морган, – ответил доктор. – *Гауэр* Морган, – уточнил он.

Эмили сказала:

– Наверное, мы можем использовать инициалы.

– Да я пошутил, – ответил доктор. – Неужели вы не поняли?

Он порылся по карманам, нашел пачку «Кэмел», вытряс из нее сигарету.

– Это была шутка, – повторил он.

– Так насчет платы... – начал Леон.

Доктор вынул сигарету из губ, взгляделся в надпись на кислородном баллоне.

– Дело в том, – сказал он, возвращая сигарету в пачку, – что мне сегодня нечем было заняться. Жена отправилась с дочками на свадьбу: ее брат снова женится.

Он ухватился за плечо Леона: «скорая» сворачивала на подъездную дорожку. За окнами мелькнул щит ТОЛЬКО СКОРАЯ.

– Дочери подросли, – продолжал доктор, – у них появились женские дела – с матерью, и отец им не больно-то нужен. Каждая из них казалась, когда появлялась на свет, такой

новенькой. Я питал большие надежды, был совершенно уверен, что мы не наделаем ошибок. Наслаждайтесь вашей девочкой, пока сможете, – посоветовал он Леону.

Малышка испугалась чего-то, вцепилась ручонками в воздух.

– Я вроде как ждал, что у нас мальчик родится, – сказал Леон.

– Ох, Леон! – воскликнула Эмили и притянула малышку к себе.

– Мальчики, да, – сказал доктор. – Мы вот тоже много лет пытались произвести на свет мальчика. Ладно, надейтесь, что у вас получится в следующий раз.

– Мы можем позволить себе только одного... – сказал Леон.

– Одного? Одного ребенка? – переспросил доктор. И, подумав, добавил: – Ну, вообще-то, почему бы и нет? В этом есть... определенный минимализм. Оптимизация. Основательность.

– Все упирается в деньги, – пояснил Леон.

«Скорая» слегка подпрыгнула и встала. Санитары, выйдя из ее передних дверей, направились к задней и впустили в «скорую» грохот огромной, дымящей машины, которая работала прямо перед пунктом экстренной помощи, запахи кипящей в прачечной воды, автомобильных выхлопов, подувядших в кафетерии готовых блюд. Санитары ухватили каталку с Эмили и быстро повезли ее, скрежеща колесами, к дверям больницы. Леон с доктором соскочили на асфальт и затрусили следом.

– Есть у вас даймы? – прокричал доктор.

– Лаймы? Зачем?

– Даймы! Десятицентовики!

– Нет, извините, – ответил Леон. – А доллар вас не устроит?

– Не для меня, для вас! – прокричал доктор. Они прошли через вращающиеся двери. Он понизил голос: – Не для меня, для вас. Для телефона! Вам же захочется позвонить, сообщить о ребенке.

– Кому я могу звонить? – спросил, разведя руками, Леон.

Доктор остановился, повторил самому себе:

– Кому он может звонить!

Лицо его опять озарилось искренним восхищением, с каким он слушал в «скорой» рассказ о детской кроватке.

Тут медицинская сестра приподняла накрывавшую Эмили простыню, увидела пропитанные кровью газеты, фыркнула и побежала рядом с носилками, которые уже катили по коридору. Другая сестра взяла Леона за локоть и повела к сидевшей в стеклянном закутке машинистке. Все пришло в движение – гладкое, расторопное, сопровождавшееся быстрым перестуком. Доктор остался один.

Собственно говоря, про него на время забыли. Когда же Леон и Эмили вспомнили о нем, найти его не удалось. Он словно растворился в воздухе. «Он ничего не просил передать?» – поинтересовался Леон у медсестры. Та не поняла, о ком речь. Из родильного отделения вызвали другого врача, акушера. Он сказал, что роды прошли хорошо, ребенок здоров. С учетом всех обстоятельств, сказал он, Эмили следует испытывать благодарность. «Да, – ответил ему Леон, – благодарность к доктору Моргану. Кроме прочего, он даже стоимость своих услуг не назвал». Однако здешний врач никогда не слышал о докторе Моргане. И в телефонном справочнике тот не значился. Он словно и не существовал.

Позже (всего несколько недель спустя, когда воспоминания о родах потускнели и обоим стало казаться, что дочь была с ними всегда) они почти готовы были поверить, что этот человек им привиделся – что это их воображение в минуту нужды нарисовало его. Красная шапочка с помпоном, говорила Эмили, навела ее на мысль о гноме. Он и вправду мог

быть персонажем сказки, так она говорила, – эльфом, троллем, гоблином, которые находят детей под капустой, отдают в руки приемных матерей и исчезают.

1968

1

Наверное, его можно было назвать человеком, который разваливается на куски. Не исключено, впрочем, что он и на свет появился кусками, не пройдя положенной сборки. Различные части его тела плохо состыковывались одна с другой. Тощие волосатые конечности соединялись слишком крупными суставами; заросшая черной бородой челюсть подвешена была неуклюже, как у Щелкунчика. Да и различные части жизни Моргана протекали словно по отдельности. Жена почти никого из его друзей не знала. Дети ни разу не бывали у него на работе: их мать говорила, что он работает в небезопасном районе. Увлечение прошлого месяца (перетяжка струн на выкупленном в ломбарде банджо с намерением стать затем, и это в сорок два года, музыкантом) не имело ничего общего с увлечением нынешнего: теперь он писал научнофантастический роман, которому полагалось обогатить его и прославить. В романе рассказывалось о гибели Земли. Все эти появившиеся недавно летающие тарелки, утверждалось в романе, принадлежат существам, которые точно знают, что через полтора года наше Солнце выгорит и погаснет. Над Землей они снуют не просто так, развлечения ради, но чтобы выяснить, какое оборудование понадобится, чтобы переместить нас всем скопом на другую планету, в гораздо более устойчивую солнечную систему. Первую главу он написал, однако начальное предложение второй ну никак ему не давалось.

Или посмотрите на его дом: высокое кирпичное здание в колониальном стиле в северной части Балтимора. Даже в то раннее январское утро, когда от солнца остался лишь розоватый тон в непроницаемо белом небе, было ясно, что дом Моргана расшатан и раздроблен. Мраморные ступеньки крыльца стерлись по краям, точно старый обмылок; в окнах первого этажа видны были толстые кружевные шторы, однако на втором, где спали дочери Моргана, шторы были сшиты из фрагментов американского флага, а на третьем, где спала его мать, – снова кружева, за которыми смутно просвечивали свисающие ветви папоротников. Заглянув же внутрь дома, вы обнаружили бы частицы неродственных миров родственных людей: школьные рюкзаки дочерей, наваленные в холле под батареей отопления, которая служила также полочкой для почты, вешалкой для свитеров и тумбочкой для записок; на кофейном столике гостинной громоздилась скрепленная резинкой башенка из брошюр «Лиги избирательниц», где состояла жена Моргана; у холодного кирпичного камина спала, подергивая лапами, потому что ей снились кролики, старенькая одышливая собака его матери, а под софой покоилась доска для криббеджа (об этом никто не знал, доска уже не одну неделю считалась потерянной). Имелся также наполовину собранный пазл – вид альпийской деревни по весне, – за которым коротала долгие и мрачные стародевичьи дни его сестра Бриндл. Церковную колокольню она сложила, прямоугольную ограду ее – тоже, и целый горный хребет в лавандовых и лиловых тенях, но с небом ей было не сладить, это уж точно. Она никогда не справится с пустой, неизменчивой синью, которая соединяла все со всем.

В застекленном книжном шкафу у двери столовой стояли, завалившись набок, или просто лежали книги – заброшенные Морганом руководства, напоминавшие о разнообразных приступах его энтузиазма (как реставрировать старые картины и полировать старую мебель; как лечить травами любые болезни; как разводить пчел на чердаке). Ниже – ежегодники колледжа Бонни, его жены, которая представляла в них веснушчатой, полнокровной девушкой, одетой в форму то одной, то другой спортивной команды; еще ниже – книжки с картинками, когда-то истрепанные его дочерьми, их учебники времен начальной школы, книжки

про Нэнси Дрю¹ и принадлежавшая его матери крошечная, пухлая книжечка для автографов, позолоченное название которой съели не то черви, не то плесень, не то просто время, оставив лишь слегка поблескивавший облыселый след – как будто улитка проползла по алому бархату, проложив извилистый, словно бы рукописный росчерк, случайно сложившийся в слово «Автографы». На первой пожелтевшей странице книжечки почерком твердым и элегантным, нынче такой только на свадебных приглашениях и встретишь, было выведено: *Драгоценная Луиза, дядя Чарли не поэт и потому оставляет здесь лишь свое имя, Чарльз Бриндл, Рождество 1911* – неловкое пожатие плеч, признание своей несостоятельности, внятно донесшееся из давних лет, хотя сделавший его человек умер четверть века назад, если не больше, и даже Луиза затруднялась припомнить его. На нижней полке лежали лакированная доска с изображением узлов, которые должны уметь вязать девочки-скауты, и коричневый картонный фотоальбом. Вклеенные в него фотографии были разбросаны во времени до того широко, что целые поколения, казалось, принадлежали к лихому прошлому и норовили поскорее с ним развязаться. Здесь присутствовал отец Моргана Сэмюэль – мальчик в бриджах; рядом с ним стоял Сэмюэль повзрослевший, берущий в жены Луизу (короткая стрижка, поблескивающие чулки). Здесь был малыш Морган в плохо связанных ползунках и Морган одиннадцатилетний, с недавно родившейся сестренкой Бриндл на руках. Судя по его лицу, он бы непрочь уронить ее на пол (и гляньте-ка! Не те же ли это самые ползунки? Только немного поношенные и с новым пятном на груди – или с тенью). А затем вдруг Морган двадцати четырех лет, подстриженный так коротко, как он никогда больше не стригся, – одетый в футболку, он стоит рядом с полненькой, улыбающейся женой, а та держит их первенца. (Сказать, куда подевалось свадебное фото, трудно, то же относится и к ползункам, поскольку всю одежду Эми составляет обвислая пеленка.) Далее следует небольшая передышка – пятнадцать страниц одних только младенческих фотографий Эми, каждая сделана Морганом в первом гордом порыве отцовских чувств. Эми спящая, кормящаяся, зевающая, купающаяся, изучающая свой кулачок. Эми учится сидеть. Эми учится ползать. Эми учится ходить. Девочкой она была крепенькой, с тем же, что и у матери, благоразумным выражением лица, и выглядела на снимках более реальной, чем все остальные персонажи альбома. Может быть, дело тут было в неторопливости, с которой она пробредала, страница за страницей, сквозь ранние годы своей жизни. В ней проступал дополнительный смысл, как в кадре, на котором застревает киноплёнка. (Эксперты наклоняются пониже, один тычет во что-то длинной официальной указкой...) Затем снимки опять набирали скорость. Новорожденная Джин, следом близнецы в миниатюрных очочках, следом Лиз – ее первый день в детском саду. Появилась новая пленка, «Кодахром», она ярче, чем сама природа, снимки теперь всегда делаются на пляже – и это неизменно Бетани-Бич в Делавэре, потому что где же еще может найти время для забав с фотоаппаратом отец семи дочерей? Альбом создает впечатление, будто эти люди только и знают, что наслаждаться нескончаемым отпуском. Бонни здесь вечно загорелая, плоть ее мягко выпирает над и под цельным купальником «Ластекс». Девочки вечно намазаны кокосовым маслом и поблескивают в крошечных бикини, придерживая ладонями восторженные ветром волосы и смеясь. Всегда смеясь. А где же слезы, и ссоры, и локти, которые пускаются в ход, чтобы завладеть дополнительными порциями любви, личного пространства, внимания? Где заикание Молли? Или хронические ночные кошмары Сьюзен? Не здесь. Вот они сидят и смеются, и окружающий мир нисколько их не заботит. Под краешками бикини видны полоски кожи побледнее, узенькие, и это единственное напоминание о других временах года. И да, конечно, здесь и Морган. По фотографии в год, перекошенной, нерезкой, сделанной любительской рукой какой-то из дочерей. Вот Морган в помятых трусах, которые развеша-

¹ Серия романов о девушке, детективе-любительнице, выходивших с 1930 по 2004 г. Написанные разными авторами романы выпускались под коллективным псевдонимом Кэролайн Кин. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ются на его бедрах, с заросшим лицом, не тронутый солнцем, демонстрирующий бицепсы и, вероятно, ухмыляющийся, – но разве тут скажешь наверняка? Ведь на голове у него купленная в «Л. Л. Бин» тропическая шляпа, москитная сеть которой полностью закрывает своими извивами и складками лицо.

Теперь свет уже добрался до лестницы и облил блеском перила, однако укрытые ковровой дорожкой ступеньки были еще темны, и кошка, кравшаяся по ним наверх, оставалась лишь тенью с невидимыми полосками и острой мордочкой, которая выглядела как отдельный от нее росток белизны. Она беззвучно дошла по половицам коридора до северной тыльной спальни, помедлила на пороге и вступила внутрь, двигаясь так целеустремленно, что все мышцы ее тела напряглись. Подойдя к кровати со стороны Бонни, кошка поднялась на задние лапы, чтобы проверить, как нагрето электроодеяло, и, наученная опытом, похлопала передней по матрасу, а затем перешла на сторону Моргана и там похлопала тоже. Сторона Моргана оказалась потеплее. Кошка присела, сжалась и запрыгнула ему на грудь. Морган крикнул и открыл глаза. За окном были именно те минуты зари, когда воздух кажется видимым – ворсистым, как войлок, и готовым в любую секунду расцветиться. Простыни походили на неровный, изрытый снарядами ландшафт; под потолком спальни словно светилась сероватая муть, подобная дыму, что поднимается над разбомбленными зданиями. Морган закрыл лицо ладонями. «Уходи», – сказал он кошке, но та лишь мурлыкала да чопорно озиралась, притворяясь, будто ничего не слышит. Морган сел, перевалил кошку на Бонни (гнездо спутанных каштановых волос, голое, покрытое пятнышками плечо) и выбрался из постели.

Зимой он спал в термобелье. Одежда – любая одежда – превращалась у него в костюм, ему нравилось ковлять в ванную комнату, подтягивая кальсоны и копаясь в бороде, точно какой-нибудь персонаж на Клондайке. Вернулся он с лицом посветлевшим и более оптимистичным, поскольку увидел себя в зеркале ванной: предстояло принять кое-какие решения. Он открыл стенной шкаф, щелкнул выключателем и постоял, прикидывая, кем ему стать сегодня. Рядом с юбками в складку и блузками Бонни висела плотной чередой его беспорядочная одежда: костюмы матросов, солдат, парходных шулеров. Выглядели они уцелевшими после какой-то беды остатками гардероба разъездной водевильной труппы. Выше располагались головные уборы – целая полка с уложенными по шесть штук в глубину головными уборами. Морган взял один – вязаную шапочку моряка, – натянул на голову, посмотрелся в зеркало: гарпунер китобойного судна. Он снял шапочку и примерил широкополую кожаную шляпу, которая целиком укрывала голову и затеняла глаза. Ну да, назад к Клондайку. Морган надел поверх длинных кальсон мятые коричневые рабочие штаны, нацепил полосатые подтяжки, под которые так удобно засовывать большие пальцы. Недолгое время изучал свое отражение. А потом подошел к комоду и порылся в его нижнем ящике.

– Бонни? – позвал он.

– Мм?

– Где мои рэгговские носки?

– Твои что?

– Колючие шерстяные носки, туристские.

Бонни не ответила. Пришлось босиком прошлепать по лестнице вниз, бормоча: «Дурацкие носки. Дурацкий дом. Ни черта не лежит где следует. Ни черта там, где тебе нужно».

Он открыл, чтобы выпустить собаку, заднюю дверь. Снаружи задул холодный ветер. Плитки кухонного пола казались ледяными. «Дурацкий дом», – повторил он. И постоял с зажатой в зубах незажженной сигаретой у разделочного стола, насыпая чайной ложкой кофе в кофеварку.

Кухонные шкафы поднимались до высокого потолка цвета слоновой кости и были набиты потускневшей серебряной чайной посудой и запылившимся столовым стеклом,

которым никто не пользовался. А на переднем плане теснились бутылочки кетчупа, коробки овсяных хлопьев и не шибко чистые пластмассовые наборы для соли и перца, с рисинками в соли, оставшимися с лета, когда все слипалось со всем. Дурацкий дом! Непонятно почему, но все в нем перекошилось. Когда-то он был большим, чинным и щедрым свадебным подарком отца Бонни, человека богатого. Бонни унаследовала часть его состояния. Это она звонила штукатурам, когда дети провалились сквозь пол чердака, она занималась заменой разбитых оконных стекол и обвисших на петлях ставней и латанием трещин в проеденных плющом стенах, но Моргана никогда не покидало чувство: что-то они все же упускают. Ах, если бы они могли выбраться отсюда и начать где-то все заново, иногда думал он. Или продать этот дом! Продать и забыть о нем и купить другой, попроще, без затей. Но Бонни даже слышать об этом не хотела, твердя о налоге на прирост капитала, – Морган ничего в этом не смыслил. Стоило ему заговорить о продаже дома – мигом выяснялось, что сейчас не самое подходящее время.

Три спальни, рассчитанные на разумное количество детей, едва вмещали всех дочерей, а вечно раздраженным Бриндл с Луизой, считай, и повернуться негде было на третьем этаже. На лужайке дома валялись заржавевшие велосипеды и стояли разрозненные плетеные кресла – вообще-то отец Бонни полагал, что здесь будут церемонно играть в крокет. Мало того, ныне вокруг изобильно произрастали многоквартирные дома, а другие, стародавние, тоже расщеплялись на квартирки, в которые въезжали малопонятные молодые люди, да и машин на улице становилось все больше. Дом вдруг очутился едва ли не в центре города. Вообще говоря, Морган вырос в городе и никаких возражений против него не имел, но все же пытался понять, как же это могло случиться. Насколько он помнил, у него были совсем другие планы. На Бонни он женился, если говорить честно, ради денег, но это не значит, что он ее не любил, просто его зачаровывала определенность, которую, казалось, сообщали ей «такие» деньги. Они как будто парили где-то за ее спиной, наделяя ее стойкостью и готовностью ко всему. Бонни отлично понимала, кто она такая. Ухаживая за ней, Морган специально купил кепку яхтсмена с орлом на кокарде, парусиновые штаны и блейзер с медными пуговицами – в этом наряде он навещал летний дом ее семейства. Сидел там на террасе, наконец-то обретя в жизни определенное место, и покачивал в руке бокал с «тропическим пуншем», который настойчиво смешивал для него отец Бонни, хотя, вообще говоря, Морган не пил, просто *не мог*. Выпивка делала его не в меру разговорчивым. Развязывала язык. А ему следовало оставаться в рамках избранной им роли.

Оставаясь в них, он и попросил руки Бонни. Ее отец ответил на эту просьбу согласием, а почему – Морган так и не понял. Он был всего-навсего аспирантом без гроша в кармане и знал, что великое будущее ему не светит. В те дни он еще не отрастил бороду и в физиономии его присутствовало нечто обезьянье, отнюдь не изящное. Выходя куда-нибудь с Бонни – на вечеринку одной из ее подруг, – он ощущал себя лгуном и притворщиком. Человеком, влезшим в чужую жизнь. Вот Бонни была в той жизни своей – приятная женщина, двумя или тремя годами старше Моргана, с волнистыми каштановыми волосами, спадавшими на шею таким пушистым хвостиком. Впоследствии Морган сообразил, что ее отец просто-напросто просчитался. Если ты богата, наверное, решил он, совершенно неважно, за кого выходить, ты все равно будешь жить по-прежнему. Вот он и благословил этот брак, и подарил им дом, и полагал, что ничего не изменится. На его счастье, он умер вскоре после их женитьбы. И не увидел, как дом начинает разваливаться, или перекашиваться, или что еще там с ним происходило. Или как юбки Бонни стали удлиняться, а блузки, наоборот, укорачиваться и становиться все более тесными в талии.

– Твой отец давным-давно продал бы этот дом, – часто говорил ей Морган. – Капитал там или не капитал, сказал бы он, а заведите себе новый.

Но Бонни отвечала:

– Зачем? Почему? Чем тебе этот не хорош? Ничего же не изменилось. Кровельщиков я уже вызвала. И покрасили его всего лишь в прошлом мае.

– Да, но...

– Что тебя смущает? Ты можешь назвать что-то, что нуждается в починке? Назови, я сразу все поправлю. Все же в полном порядке, до дюйма, садовники Дэйви даже землю под деревьями удобрили.

Да, но.

Он вышел во двор за газетой. Колючая мерзлая трава хрустела под голыми ступнями, впиваясь в них. Все кругом поблескивало. На льду птичьей поилки валялась сиротливая «вьетнамка». Шипя, он метнулся обратно в дом, захлопнул за собой дверь. Наверху забалаболнил словно разбуженный ее хлопком будильник. Скоро они спустятся сюда, протолкнуться негде будет. Морган вытащил из газеты разделы новостей и комиксов, положил их на стул и сел сверху. Затем закурил и раскрыл газету на объявлениях.

ПОТЕРЯНО. *Белое свадебное платье 10 размера. Просьба вопросов не задавать.*

Губы Моргана растянулись в улыбке вокруг сигареты.

Пришла Бонни, тяжело ступая и на ходу застегивая халат, стараясь удержать на ногах соскальзывающие тапки. Волосы не расчесаны, вдоль одной щеки тянется складка ото сна.

– Там не подморозило? – спросила она. – Заморозки на почве, а? Я все собиралась накрыть самшиты. – Она приподняла штору, чтобы выглянуть наружу. – О господи, подморозило.

– Мм?

Бонни открыла дверцу буфета, чем-то погромела. На газете Моргана появилась почерневшая серебряная пепельница. Он пристукнул по ней сигаретой.

– Послушай, – сказал он. – НАЙДЕНО. *Ювелирное украшение, в парке «Друид-Хилл». Позвонивший должен назвать его. Я бы позвонил и сказал: кольцо с бриллиантом.*

– Это почему? – Бонни извлекла из холодильника упаковку яиц.

– Ну, вряд ли кто-нибудь надевает, отправляясь в зоопарк, настоящие жемчуга или платиновые браслеты, а обручальные кольца носят многие, верно? И потом, кольцо всегда можно описать в общих чертах. Да, я сказал бы: кольцо. Точно.

– Может быть, – согласилась Бонни и разбила яйцо о край сковородки.

– ПОТЕРЯНО. *Верхняя вставная челюсть. Обладает большой нематериальной ценностью,* – прочитал Морган. Бонни фыркнула. Он сказал: – Я вот с нематериальными ценностями покончил.

– Да что ты говоришь? – откликнулась Бонни.

Он слышал, как наверху стучат босые ноги, течет вода, гудят фены. Кухню заполнил аромат кофе, смешавшийся с бодрящим, резким запахом его сигареты. Да, он уже пришел в свою обычную норму. Сумел прорваться в новый день. Морган развернул газету во всю ширь.

– Люблю объявления, – сказал он. – В них всегда столько личного.

– Ты отнесешь сегодня обувь в починку?

– Обувь?.. Вот послушай: М. Г. *Ничто не прощено и прощено не будет.*

Бонни поставила перед ним чашку кофе.

– Что, если это обращено ко мне? – спросил Морган.

– Почему к тебе?

– М. Г. Морган Гауэр.

– Ты сделал что-то непростительное?

– Поневоле гадать начинаешь. Увидев такое, никуда от этого не денешься.

– Ах, Морган, – сказала Бонни, – почему ты непременно принимаешь напечатанное в газете как что-то личное?

– Потому что читаю *личные* объявления, – ответил он. И, перевернув страницу, прочитал: – ТРЕБУЕТСЯ. *Руководитель геотехнической лаборатории.*

Последние пятнадцать лет Морган, предположительно, искал работу получше. Другое дело, что найти ее он не ожидал.

– А вот еще. *Опытная танцовщица.*

– Ха.

Морган работал на семью Бонни, управлял одним из принадлежавших ей хозяйственных магазинов. Человеком он был кропотливым, любил возиться с техникой. Когда он учился в аспирантуре, его руководитель однажды пожаловался на то, что во время консультации Морган разговаривал с ним через плечо, потому что сидел в углу на корточках и возился с протекающей батареей отопления.

– ТРЕБУЕТСЯ. *Барменша, собачий парикмахер, оператор грузоподъемника.*

Что ему нравилось в этих объявлениях, так это их неординарность. (*Водитель для пожилого джентльмена. Желательно знание Гомера.*) Время от времени он даже откликнулся, устраивался на работу и бросал на пару дней хозяйственный магазин, предоставляя распоряжаться в нем продавцу. Но потом об этом узнавал Боннин дядя Олли и прибегал к Бонни скандалить, и она вздыхала, смеялась и спрашивала Моргана, что он, собственно говоря, творит. Следует отдать Бонни должное: она никогда не выходила из себя. И обычно принимала его сторону, более-менее.

Он протянул к ней руку – Бонни как раз проходила мимо с кувшином апельсинового сока, – обнял за бедра, вернее, попытался обнять, однако у нее было на уме другое.

– Где Бриндл? – спросила она. – И где твоя мать? По-моему, я слышала ее шаги не один час назад.

Морган отложил объявления в сторону, вытянул из-под себя страницы новостей. Однако читать там было нечего. Крушения самолетов, поездов, пожары в жилых домах... он перешел к некрологам.

– *Миссис Гримм. Горячая поклонница оперы,* – прочитал он вслух. – *Тилли Эббот. Коллекционер наперстков.* О господи.

Сверху начали спускаться дочери. Они переругивались в прихожей, роняли книги, их транзисторы играли свою песню каждый. Сквозь звучание электрических гитар пробивался гулкий и раскатистый барабанный бой.

– *Питер Джейкобс, сорок четыре года,* – прочитал Морган. – Сорок четыре! Разве можно умирать в таком возрасте?

– Девочки! – позвала Бонни. – Яйца стынут.

– Терпеть не могу, когда не сообщают, что их прикончило, – сказал ей Морган. – Даже «продолжительная болезнь» лучше, чем ничего. А тут вечно – *неожиданно скончался.*

Он согнулся над столом, пропуская кого-то, бочком пробиравшегося позади него.

– Сорок четыре года! Конечно, неожиданно. Ты не думаешь, что это сердечный приступ? Или что?

– Не увлекался бы ты так некрологами, Морган, – сказала Бонни.

Ей пришлось повысить голос, потому что в кухню уже набились девочки. И все они говорили одновременно – о контрольной по истории, о мальчиках и снова о мальчиках, о мотоциклах, о баскетболе, кто у кого взял послушать пластинку и не вернул. О певце, который, по слухам, умер. (Кто-то из них заявил, что, если это правда, она и сама умрет.) Эми возилась с тостером. Двойняшки смешивали в блендере свой диетический напиток. Прилепивший невесть откуда учебник французского ударил Лиз по пояснице.

– Я здесь больше жить не могу, – сказала Лиз. – Ни минуты покоя. И все ко мне лезут. Ухожу.

Но не ушла, а налила себе чашку кофе и села рядом с Морганом.

– Господи боже, – обратилась она к Бонни, – что это у него на голове?

– Обращайся прямо ко мне, не тушуйся, – сказал дочери Морган. – Я, кстати, и ответ на твой вопрос знаю. Не надо стесняться.

– Он непременно должен красоваться в этих шляпах? Он их даже дома носит. Разве обязательно выглядеть таким чудиком?

И это его тринадцатилетняя дочь. Раньше он мог и обидеться, но постепенно привык. Лет около одиннадцати-двенадцати они, похоже, полностью изменяются. Малышками он их любил. Поначалу они были такими маленькими, простыми, полнощековыми, кудрявыми и уравновешенными, преданно ковыляли повсюду за Морганом, а потом вдруг садились на жесткие диеты, становились худыми и раздражительными, вытягивались выше матери. Распрямляли волосы, пока те не начинали свисать на лица, точно вуали. Заменяли платья выцветшими джинсами и узкими, короткими футболками. А их вкусы по части мальчиков были жуткими, попросту жуткими. Он глазам своим не верил, глядя на некоторых существ, которых они приводили домой. И вдобавок ко всему они переставали считать Моргана таким уж замечательным. Заявляли, что стыдятся его. Он не мог бы сбрить бороду? Постричься? Вести себя, как положено в его возрасте? Одеваться, как другие отцы? Почему он курит сигареты без фильтра и снимает с языка табачные крошки? Замечает ли, что все время напевает вполголоса, даже за обеденным столом, даже пока они задают ему эти вопросы?

Он попытался больше не напевать. Ненадолго перешел на трубку, однако слишком сильно прикусил мундштук, и тот сломался. А один раз подстригся короче обычного и обкорнал бороду, отчего она стала квадратной, плотно облегла челюсть. И девочки заявили, что она выглядит как накладная. Как *деревянная*, сказали они.

Он ощущал себя объездчиком норовистой, порывистой лошади, с трудом сохраняющим равновесие, блаженно улыбающимся и старающимся не моргать.

– Нет, ты видишь? Он босой, – сказала Лиз.

– Замолчи и вылей кофе назад, – велела ей Бонни. – Ты же знаешь, тебе пока нельзя кофе.

Вошла, неся стопку учебников, самая младшая, Кэйт. Ей еще не исполнилось одиннадцати, она пока сохраняла полненькое, улыбчивое лицо Бонни. Проходя мимо стула Моргана, она стянула с него шляпу, чмокнула его в затылок и вернула шляпу на место.

– Сладкая моя, – сказал Морган.

Может, им стоит завести еще одного ребенка.

Когда все усаживались за стол, уже и локти девать было некуда. Морган решил удалиться. Встал и, пятясь, как человек, покидающий королевскую особу, – это чтобы никто не увидел комиксов, которые он держал за спиной, – покинул кухню. В гостиной еще один радиоприемник играл «Фантастическую пластмассовую любовь», и Морган остановился, чтобы исполнить маленький танец – босиком, на ковре. Мать сурово взирала на него с кушетки. Маленькая сгорбленная старушка с по-прежнему черными как смоль волосами, она удерживала их, чтобы не рассыпались, черепаховыми гребнями, но волосы и под гребнями курчавились и как будто взбрыкивали, набираясь откуда-то сил. Она сидела, положив на колени покрытые пятнышками руки со взбухшими венами, обвисшее платье ее казалось на несколько размеров больше, чем следует.

– Ты чего не завтракаешь? – спросил Морган.

– Жду, когда там потише станет.

– Этак Бонни придется половину утра на кухне проторчать.

– Когда доживаешь до моих лет, – сказала Луиза, – у тебя почти ничего, кроме еды, не остается, поэтому торопиться с ней я не намерена. Я хочу получить хорошую горячую английскую булочку, вскрытую вилкой, а не ножом, с тающим в мякише маслом и дымящуюся чашку кофе со взбитыми сливками. И хочу получить их в покое. В тишине.

– Бонни удар хватит, – сказал он.

– Не говори глупостей. Бонни возражать не будет.

И наверное, она была права. Бонни обладала бесконечной гибкостью, способностью принимать все. Это Моргана угнетало присутствие его матери в доме. Он вздохнул, присел рядом с ней на кушетку. Раскрыл газету.

– Сегодня день будний? – спросила Луиза.

– Да, – буркнул он.

Луиза зацепила согнутым пальцем верхушку газеты и оттянула ее вниз, чтобы видеть его лицо.

– А на работу ты не собираешься?

– Со временем.

– *Со временем?* Уже половина восьмого, Морган, а ты даже не обут. Знаешь, что я успела сделать за это утро? Застелила постель, полила папоротники, начистила в моей ванной хромовые трубы. А ты сидишь, комиксы читаешь, и сестра твоя спит как убитая наверху. Что происходит с моими детьми? Откуда у них такие привычки? «Со временем»!

Он встал, сложил газету и сказал:

– *Ладно*, мама.

– Хорошего тебе дня, – невозмутимо произнесла она.

Когда он выходил из гостиной, она сидела, снова уложив руки на колени, с доверчивостью ребенка ожидая своей английской булочки.

2

В носках с узорами ромбиками, которые никак не вязались с его клондайкским нарядом (но жесткие кожаные ботинки их скрывали), и купленной в «Саннис Сюрплюс» тускло-оливковой парке Морган размашисто шагал по тротуару. Его хозяйственный магазин располагался в центре города, слишком далеко, чтобы добираться пешком, а машина, увы, была разложена частями по полу гаража, сборку он еще не закончил. Приходилось ездить автобусом. Как раз к остановке он и направлялся, попыхивая сигаретой, которую держал большим и указательным пальцами, выпуская из-под полей шляпы облачка дыма. Он миновал скопление домов – старых и новых, многоквартирных, – потом небольшую вереницу аптек, газетных киосков и кабинетов дантистов. Под мышкой он нес бурый бумажный пакет с мокасинами. Они так хорошо сочетались с костюмом Даниэля Буна². Морган носил их столь часто, что мягкая кожа прорвалась на подъеме. Дойдя до угла, он свернул к «Ремонту обуви Фреско», чтобы оставить их там. Ему нравился запах этой мастерской: кожа и машинное масло. Может быть, стоило стать сапожником.

Однако, войдя в мастерскую под звон колокольчика у двери, он никого не обнаружил – только прилавок, на котором вперемешку лежали шильца, карандаши и бланки квитанций, а рядом с черной, похожей на скелет швейной машинкой остывала чашка кофе. Позади прилавок возвышался шкаф с набитыми обувью отделениями.

– Фреско? – позвал он.

– Здесь, – отозвался из глубин мастерской Фреско.

Морган положил пакет на прилавок, зашел за него. Вытащил из шкафа ботинок с окованным медью носком. Интересно, где люди покупают такие? По-настоящему полезная вещь, думал он, очень практичная. Колокольчик звякнул снова. Вошла толстая женщина в меховой накидке, несомненная обительница одного из новых многоквартирных домов. С краев накидки свисали головки маленьких зверьков, показывавших зубы собственным длинным и тонким хвостам. Женщина со стуком опустила на прилавок вечернюю туфельку на высоком каблуке.

– Хотела бы я знать, что вы собираетесь с этим делать, – сказала она.

– Делать? – переспросил Морган.

– Видите, каблук опять отломился. Прямо когда я в клуб входила, а ведь вы его только что починили. Я там выглядела полной дурой, идиоткой.

– Ну что я могу сказать? – ответил Морган. – Это же итальянское изделие.

– И что?

– А у них полые каблуки.

– Да?

Оба посмотрели на каблук. Полым он вовсе не был.

– Нам такие часто приносят, – сказал Морган и, загасив сигарету, взял туфлю в руки. – Обувь из Италии всегда с полыми каблуками, в них удобно наркотики перевозить, контрабандой. Держатся они, естественно, плохо. Контрабандисты отламывают каблуки без всяких мер предосторожности, никакого уважения к чужой работе. А после приколачивают их как попало и продают обувь какому-нибудь ничего не подозревающему магазину... но, конечно, она уже не та. О, я вам такие истории порассказать могу!

Морган покачал головой. Женщина пристально смотрела ему в лицо, вокруг ее глаз обозначились легкие, словно наспех нарисованные морщинки.

– Ну хорошо, – вздохнув, сказал он. – Стало быть, в пятницу утром. Фамилия?

² Даниэль Бун (1734–1820) – американский первопоселенец и охотник, участник Войны за независимость.

– Э-э... Петерсон.

Он записал фамилию на обороте бланка квитанции и сунул его вместе с туфелькой в пустое отделение шкафа.

После ухода женщины Морган сочинил инструкцию относительно мокасин: ГАУЭР. *Почините! Жить без них не могу.* И уложил мокасины рядом с туфелькой, сунув в один скатанную трубочкой инструкцию. А после вышел из мастерской, деловито закуривая под прикрытием шляпы новую сигарету.

На тротуаре сидела, ожидая его, собака матери: поднятая вверх, полная надежды мордочка и два схожих с вигвамами уха торчком. Морган остановился. «Иди домой, – сказал он. Собака завиляла хвостом. – Чего ты от меня хочешь? Что не так?»

Морган направился к остановке автобуса. Собака пошла следом, поскуливая, но он притворился, что не слышит ее. Прибавил шаг. Поскуливание продолжалось. Морган обернулся, топнул ногой. Мужчина в пальто остановился, а затем обошел Моргана по дуге. Собака же только поджалась, тяжело дыша и выжидающе глядя на него. «Ну что ты ко мне привязалась?» – спросил Морган. Он сделал вид, что собирается броситься на нее, но собака не отступила. Конечно, ее следовало бы отвести домой, однако снова оказаться там ему было не под силу. Не мог он, так быстро и бодро отправившись на работу, возвращаться по собственным следам. Вместо этого он повернулся и побежал, придерживая шляпу и топая по тротуару, – собака трусила следом. Она начала падать духом. Морган чувствовал это, но оглянуться не решался. Собака заколебалась, остановилась, глядя ему вслед и судорожно виляя хвостом. Морган, прижав руку к занывшей груди, забрался в автобус. Пыхтя и потея, пошарил в поисках мелочи по карманам. Другие пассажиры искоса поглядывали на него и отворачивались.

Магазинов и офисных зданий за окнами автобуса становилось все больше. Автобус быстро катил по району, в котором когда-то жил Морган, – большая часть окон заколочена досками, на просевших крышах выросли деревья. Да, без него дела здесь пошли плохо. Вот «Матрасная фабрика Арбейтера», «Мадам Савская: Ответы на все вопросы и Приятное решение любовных проблем». Черета стоящих вплотную многоквартирных домов, каждый следующий обветшал сильнее предыдущего. Морган горбился на сиденье, сжимая металлический поручень перед собой. «Туз пик», «Сэндвич-шоп», обувной магазин «Толстяк». Автобус, направляясь к центру города, покинул родные места Моргана. Он отпустил поручень и начал думать о жизни сидевших вдоль улицы на крылечках людей: женщины в ночной рубашке и виниловой куртке, с бутылкой пива «Роллинг Рок» в руках, пар валит изо рта; двух подталкивавших друг друга локтями и хохотавших мужчин; обнимавшего грязную белую кошку мальчика в больших, не по ноге, тапочках. Моргана начала наполнять успокоительная пустота, схожая с голыми, без рам и стекол, окнами в верхних этажах «Барбекю-бара Сирены».

3

Стоявший в центре города филиал «Хозяйственного магазина Каллена» был до того стар, темен, грязен и наполнен такими густыми запахами, что Моргану нередко казалось, будто он не столько входит в него, сколько окунается головой вперед, так что одни лишь подошвы и остаются торчать наружу. В тыльной части магазина имелся поднятый под стропила помост – там находился его офис: ободранный дубовый стол, папки, бордовый плюшевый диванчик, высокая черная пишущая машинка «Вудсток», ленту которой приходилось перематывать вручную. Когда-то здесь был офис дедушки Бонни. В этом магазине. В самом первом заведении дедушки Каллена. Разумеется, нынче его филиалы имелись повсюду. Почти каждый торговый центр в радиусе пятидесяти миль содержал «Хозяйственный магазин Каллена», однако все они были современными, прилизанными и только этот – настоящим. Иногда в нем появлялся дядюшка Бонни, Олли, грозивший закрыть его. «По-вашему, это магазин? – вопрошал он. – Разве такой может окупаться?» Он окидывал гневным взором массивные деревянные стеллажи, на которых электроинструменты «Блэк-энд-Деккер», соседствуя со старомодными, наполненными гвоздями ящиками, выглядели попросту глупо. Кривился, глядя на ржавые оконные решетки, покореженные несколькими поколениями грабителей. Морган лишь улыбался, беспокойно подергивая себя за бороду, поскольку знал, что любые его слова раздражают дядю Олли, а значит, лучше помалкивать. Затем дядя Олли в сильной ажитации покидал магазин, а Морган, негромко напевая, с облегчением возвращался в свой офис. Не то чтобы закрытие магазина обратило бы его в безработного – ради Бонни Каллены подыскали бы для него что-нибудь, – просто здесь у него было больше свободы. В своем офисе он разрабатывал с полдюжины проектов, тут под лесенкой помоста были сложены пиломатериалы, в корзинке ИСХОДЯЩИЕ покоился фигурный молоток. Он знал неподалеку хорошую закусочную. Всего в нескольких кварталах отсюда жили его друзья. Почти всю работу выполнял единственный продавец магазина, Баткинс, пусть даже он и не был интересным собеседником.

Когда-то, несколько лет назад, у Моргана работала продавщица по имени Мэри. Очень молодая, круглолицая, рыженькая, она всегда надевала, чтобы защитить одежду от пыли, свободный серый халат. Морган начал прикидываться перед самим собой, что Мэри – его жена. И вовсе нельзя сказать, что она казалась ему такой уж привлекательной, просто он неторопливо выстраивал в воображении картину: они живут в маленьком городке и владеют семейным хозяйственным магазином, «Ма-и-Па»; может быть, они были влюблены друг в друга еще с детства. Мысленно он состаривал ее. Ему хотелось, чтобы у нее была седина. Он начал носить мятую серую куртку, серые рабочие брюки, думал о себе как о «Хозяйственном Па». Самое забавное: он мог смотреть прямо на Мэри, но рисовать ее с чистого листа, как будто ее рядом не было. А как-то после полудня он стоял на стремянке, укладывая на полку коробки с удлинителями, и ненароком наклонился и чмокнул Мэри в щеку. И сказал: «У тебя усталый вид, Ма. Может, тебе подремать немножко?» Девушка разинула рот, но промолчала. А на следующий день не пришла на работу и вообще больше не пришла. Ее серый халат так и висел в кладовке. Временами, проходя мимо него, Морган печалился по дням, когда он был «Хозяйственным Па».

Но теперь у него имелся Баткинс, расторопный и бесцветный молодой человек, который сейчас выставлял в витрине новые изделия компании «Раббермейд». «С добрым утром», – сказал ему Морган. И поднялся в свой офис. Снял парку, повесил ее на вешалку-стойку, сел за стол, в обтянутое растрескавшейся кожей вращающееся кресло. Предположительно, ему следовало заняться документами – печатать заказы, заполнять счета-фактуры. Вместо этого он выдвинул средний ящик стола и достал чертежи птичьей кормушки. Кор-

мушку он сооружал, чтобы порадовать Бонни. Следующий вторник был их годовщиной. Они женаты уже девятнадцать лет, боже милостивый. Морган развернул чертежи, просмотрел их, водя пальцем в никотиновых пятнах по углам различных полочек и отделений. Кормушка крепилась на столбе, в котором предстояло высверлить четыре отверстия для размещения почечного сала – или кокосового масла, поскольку Бонни твердила, что сало вызывает проблемы с холестерином. Морган улыбнулся. Бонни слегка помешалась на птицах, подумал он. И, придавив чертежи степлером и коробочкой со сверлами, пошел выбирать хорошую доску, с которой можно будет начать.

Большую часть утра он пилил, наждачил и напевал, время от времени прерываясь, чтобы сдвинуть назад шляпу и отереть рукавом лицо. Из лесенок офиса получился прекрасный верстак. В магазин тощей стружкой просачивались покупатели, приобретающие кто что: мышеловку, фильтр для плиты, спрей от тараканов. Морган напевал «Блюз Управления общественных работ»³ и намечал карандашом новые линии отпила.

Затем Баткинс отправился на ранний ланч, оставив Моргана хозяйничать в магазине. Пришлось встать, стряхнуть с коленей опилки и обслужить мужчину в рабочем комбинезоне, желавшего купить коробочку для ключей.

– На что она вам? – спросил Морган. – Зачем тратить немалые деньги на жестяную коробочку? Вы заметили, какая там цена стоит?

– Ну, понимаете, на прошлой неделе я запер ключи в машине, вот и подумал – может, стоит спрятать запасной ключ под...

– Послушайте, – сказал Морган, – все, что вам требуется, – это кусок вощенной нитки для зубов. У вас же есть нитка для зубов? Сложите ее для крепости вдвое, пропустите сквозь ключ, привяжите к решетке радиатора – и пусть запасной ключ висит внутри капота. Очень просто! И ничего вам стоить не будет.

– Да, но эта коробочка...

– Разве рядом с вами не стоит человек, жена которого вечно засовывает ключи от машины неизвестно куда? – спросил Морган.

Мужчина оглянулся.

– Я о себе говорю, – пояснил Морган. – Она все мое добро теряет. И никакой коробочки у меня в жизни не было.

– Но все-таки, – упрямо сказал мужчина, – я думаю, лучше ее купить.

– В чем дело? – спросил Морган. – У вас нет нитки для зубов? Не беда! Я вам так скажу: приходите завтра в это же время, я принесу ее для вас из дому. Бесплатно. В подарок. Договорились? Принесу вам ярд или два.

– Господи боже, – сказал мужчина. – Дадите вы мне купить одну паршивую коробочку?

Морган раскинул руки:

– Конечно. Милости прошу! Бросайте деньги на ветер! Наполняйте вашу жизнь хламом! – Он постучал по клавишам кассового аппарата и сообщил: – Доллар двадцать девять.

– Это мои доллар двадцать девять, куда хочу, туда и бросаю, – сказал мужчина, суя деньги в ладонь Моргана. – Маньяк!

– Барахольщик!

Мужчина выскочил из магазина, сжимая в руке коробочку. Морган пробормотал что-то себе под нос и со стуком задвинул ящик кассы.

После возвращения Баткинса Морган и сам отправился на ланч, в кафе «Без балды». Ему нравились тамошные маринованные огурчики. Правда, все прочие клиенты кафе были черными и в разговоры с Морганом не вступали. Казалось, они проводят обеденные пере-

---

³ Блюзовая песня (*WPA Blues*) американского блюзмена Бига Билла Брунзи (1893–1958).

ривы, вручая бармену деньги, что-то бормоча и поглядывая по сторонам из-под полуопущенных век. А Морган тем временем горбился над тарелкой и с наслаждением жевал огурчик. Тот и в самом деле был превосходен. Так прочесночен, что почти шипел. Но к сэндвичу полагался только один. Время от времени он просил добавить второй и всегда слышал: «нет», приходилось заказывать еще бутерброд, который ему и нужен-то не был.

Поев, Морган решил прогуляться. У него имелся постоянный маршрут. И, застегнув парк, он выступил в путь. Воздух так и не прогрелся, лица у встречных прохожих были умученные, глаза слезились. Морган радовался своей бороде. Он поднял воротник, сжал его пальцами и припустил почти бегом, щурясь от бившего в лицо ветра.

Сначала к Поттеру, торговцу подержанными музыкальными инструментами, но, увы, Поттер был занят – неотесанная молодая простушка пробовала скрипку.

– Отец Морган! – воскликнул Поттер. – Мисс Миллер, познакомьтесь с отцом Морганом, нашим уличным священником. Как дела? Как ваши наркоманы? Выпейте со мной чая! Однако покупатели были у Поттера редкостью, и Моргану не хотелось ему мешать.

– Нет-нет, – сказал он, поднимая перед собой ладонь. – У меня дела. Благословляю!

И, пятясь, покинул магазин.

Переулком он вышел на Марианна-стрит. За тележкой с хот-догами стояла экзотического обличья женщина с обильными черными волосами. Накрашена она была ошеломительно – медная глянцевая кожа, рот, похожий на ярко-красный порез, и столько туши на ресницах, что каждая казалась ниткой черных бусин. Одетая женщина была по-зимнему, в несколько свитеров и пальто, впрочем, Морган знал, со времен более теплых, что под ними скрывается красное кружевное платье и множество облупленных золотистых браслетов.

– *Zosem pas!* – окликнул он ее.

– О, привет! – ответила женщина. Говорила она с чрезмерной живостью, преувеличенно двигая губами. – Как вы сегодня? Письмо из дома получили?

Морган робко улыбнулся и изобразил недоумение.

– Письмо! – крикнула она. И воображаемым карандашом написала на ладони пару слов. – Письмо получили?

– А! – ответил Морган, внезапно поняв ее вопрос. И, покачав головой, грустно произнес: – *Pok. Kun salomen baso.*

Уголки его губ поползли вниз. Он пристукнул ботинком по колесу тележки.

– Бедняга, – сказала женщина. – Ну, может быть, завтра, а?

– *Brankuso*, – сказал Морган. – *Zosem pas!*

Он помахал рукой, улыбнулся и пошел дальше.

На углу Марианна-стрит и Кросуэлл он замялся. Чего ему действительно хотелось, так это свернуть на Кросуэлл-стрит и пройти по ней до определенного дома. Кому это повредит? Он там уже несколько недель не был, завидным образом преодолевал искушение. Морган сунул руки в карманы и пошел в ту сторону.

МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ – извещала табличка в середине квартала. Здание было старым, четырехэтажным. За эркерным окном первого этажа виднелись лоскутные одеяла, куколки из листьев кукурузных початков, образцы вышивок, деревянные поделки и тряпичные куклы. Окна верхних этажей были более узкими, темными, незанавешенными. Морган смотрел, стоя в тени за дверью прачечной самообслуживания, на окна третьего этажа, принадлежавшие Мередитам – Эмили и Леону. Адрес их он выяснил без особого труда, просто нашел в телефонной книге. Он уже знал, что примерно в это время (перед дневным сном ребенка, полагал Морган) кто-нибудь из Мередитов приближается из глубины квартиры к левому окну и открывает его. Наружу высунется рука – бледная рука Эмили или более смуглая Леона, – затем несколько спокойных, задумчивых мгновений, отданных размышлениям о том, как одеть ребенка для прогулки. Моргану это доставляло удовольствие. (Бонни, когда

выгуливала младших девочек, просто бросала в коляску первое, что подворачивалось под руку: одеяло, куртку дочери постарше – ей годилось все.) Он представлял также, как Мередины капают молоко себе на запястье, прежде чем дать бутылочку дочери, а перед тем, как опустить девочку в ванну, пробуют локтем воду – все по инструкциям, нравилось думать ему. Все по методу. Он ждал с улыбкой, запрокинув голову, засунув руки глубоко в карманы.

Может, он их упустил? Нет, вот они, выходят из стеклянной двери рядом с табличкой МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ. Леон несет малышку на плече. (Коляску они, естественно, не купили.) Ей было уже месяцев девять-десять – пухлое розовощекое дитя в плотном зимнем комбинезончике. Эмили в поношенном свободном плаще и черных туфельках легкой походкой шла рядом с Леоном, держа его под руку, и, подняв живое лицо, разговаривала с малышкой. И то, как одевались Мередины, Моргану тоже нравилось. По-видимому, они давным-давно решили, какая одежда станет их отличительным признаком, и никогда от этого решения не отступали. Леон неизменно носил чистые брюки цвета хаки и белую рубашку. Из-под рукавов его ржавой вельветовой куртки на полдюйма выступали безупречно белые манжеты. А Эмили надевала один из трех леотардов с глубоким декольте – коричневый, сливовый или (чаще всего) черный – и с ним такого же цвета запашную юбку из какой-то мягкой ткани, доходившую до середины икр. Морган видел такие наряды по телевизору, в танцах-модерн, и был в восторге от их подвижной изменчивости. Теперь же он обнаружил, что, надеваемые для прогулок, они обращают моду в нечто лишенное значения. Собственно говоря, юбок такой длины в этом году, а то и, подозревал он, в последние десять лет не носили, да и где это слышано, чтобы молодая женщина предпочитала столь монотонные цвета? Но в этих нарядах, казалось, присутствовала уверенность. Эмили вовсе не выглядела отставшей от моды. А выглядела сильной, простой и лаконичной. Покончившей с дополнительными украшениями.

Морган с немалым удовольствием воображал, как они едят – две тарелки, два столовых прибора и глиняная плошка для девочки. Ему нравилось думать, что в их ванной комнате можно увидеть лишь кусок мыла «Айвори» и три гостиничных полотенец. Ну и бритвенный прибор Леона, конечно. Но больше ничего. Никаких жестянок с тальком, кремов от прыщей, фенов, детских брекетов вперемешку, никаких переругивающихся друг с другом флаконов с духами, свисающих лифчиков, нейлоновых чулок и обшитых кружавчиками купальных шапочек. Он жадно глядел Мерединым вслед. Их овальные лица удалялись, покачиваясь, замкнутые и непроницаемые. Круглое, как монета, лицо дочери оставалось различимым еще долгое время после того, как ее родители обращались к нему спинами, но и в нем ничего нельзя было прочесть.

Ему бы следовало перебежать улицу, перехватить их. «Вы меня помните? Доктор Морган. Помните? Какое совпадение! Знаете, я совершенно случайно оказался в этих местах». Дело самое простое. Он мог бы пощупать пульс ребенка, поинтересоваться прививками от дифтерии. Изображать доктора так легко – достаточно простого здравого смысла. Едва ли не слишком легко. С ролью электрика или одного из тех рабочих, что вдувают между стенами домов изолирующую пену, справиться было бы труднее.

И тем не менее что-то удерживало его. Мередины внушали Моргану страх – их аскетизм, определенность, их расчерченная и размеренная жизнь. И он позволял им уходить неприкосновенными, словно заключенными в прозрачный пузырь.

4

Шли предвечерние часы, углы магазина уже тонули в сумраке. Баткинс подавил зевок, подошел к окну и о чем-то задумался. Морган изобрел нечто вроде сложного гребного колеса, которое будет отпугивать от птичьей кормушки белок. Он старательно шлифовал каждую лопасть и вставлял ее на место. Подобная работа успокаивала и ободряла его. Напоминала ему об отце, методичном человеке, который был бы гораздо счастливее, если бы стал плотником, а не бесталанным учителем английской литературы в средней школе. «Во что всегда верила наша семья, так это в инструменты самого лучшего качества, – не раз говорил отец. – Хочешь что-то сделать – покупай только такие: кованая сталь, ручки из твердой древесины. А после ухаживай за ними. У каждого инструмента – свое место. И не жалея для них средства от ржавчины». Только эти философские взгляды он и высказывал открыто, и Морган держался за них, как за вырезанную в камне заповедь. Отец покончил с собой, когда Морган доучивался в школе. Никаких признаков того, что он впал в отчаяние или заболел (хотя отец всегда казался немного подавленным), он просто снял одной звездной апрельской ночью номер в мотеле «Уинкен-Блинкен» и перерезал себе бритвенным лезвием оба запястья. Морган немалую часть своей жизни потратил на старания понять, почему это произошло. Ему требовалась причина: безнадежные долги, рак, шантаж, запретная любовная связь – Моргана ничто не испугало бы. Что угодно было предпочтительнее такого туманного, сомнительного ухода из жизни. Может быть, отец был несчастен в супружестве? Попал в лапы рэкетиров? Убил кого-то? Морган перерыл переписку отца, спер ключ от его письменного стола и картонную коробку, в которой отец держал документы. Подверг безжалостному допросу мать, однако та, судя по всему, знала не больше Моргана, а может быть, просто не хотела об этом говорить. Бродила по дому безмолвная, измученная, потом устроилась на работу в «Хацлерс», продавала там перчатки. И постепенно Морган перестал задавать вопросы. Ему начала открываться – так же неуловимо, как оседает пыль, – простая вероятность: а вдруг никакой причины и не было? Вдруг интерес человека к жизни может иссякать, а затем и иссохнуть? Верить в это было более чем неприятно. Он гнал эту мысль всякий раз, как она приходила ему в голову. И даже сейчас нередко рылся в украденных им документах, но так и не отыскал ничего сверх найденного в самом начале – разложенных в алфавитном порядке инструкций по сборке велосипедов, чистке газонокосилок, установке приводных ремней в пылесосы. Ремонт, замена, обслуживание. Один шаг за другим, и если ты закончил второй, то переходи к третьему, никуда не денешься.

Легко кивая, он шлифовал гребное колесо. И напевал – без всякой мелодии.

По лесенке поднялся Баткинс:

– Если ничего больше не нужно, я ухожу. Увидимся завтра.

– А? – отозвался Морган. – Что, уже пора? – Он распрямился, вытер тылом ладони лоб. – Да, Баткинс, конечно. Пока.

Магазин погрузился в безмолвие, стал расплываться в сумраке. Прохожие спешили по домам, к ужину, сюда не заглядывали. Морган встал, надел парку, прошел по центральному проходу. Выключил свет, запер три массивных, не больно-то взломаешь, замка. Снаружи магазин выглядел как старая фотография: безжизненный, затуманенный, с загадочными выступами и шишками окон. Возможно, по ночам сюда является призрак дедушки Каллена и бродит в темноте между стеллажами, дивясь электрическим садовым ножницам. Морган поднял воротник и побежал, чтобы успеть на автобус.

5

За ужином взрослые стеснились на одном конце стола, словно стараясь оказаться подальше от детей, – так и не снявший шляпу Морган, Бонни, Луиза и сестра Моргана Бриндл в лавандовом купальном халате. Бриндл унаследовала от матери желтоватое орлиное лицо и сутулость, но не унаследовала жизненной энергии. Она сидела, лениво намазывая маслом ломтики французского батона и раскладывая их по кругу вдоль обода своей тарелки, а между тем Луиза пересказывала слово в слово увиденную ею по телевизору кулинарную программу:

– Сначала он вертикально вставил в кастрюлю телячьи голяшки. Потом полил их соусом из томатной пасты, лимонной цедры, кусочков сельдерея... ну так у него же все заранее запасено было! *Конечно*, готовка выглядит просто, если не видеть, как это все чистят и нарезают.

Морган потянулся мимо матери за солью.

– Настоящую жизнь по телевизору не показывают, – сказала Бриндл.

– В том-то и дело, – согласилась Луиза. – А мне хотелось бы посмотреть, как он выскребает томатную пасту из малюсенькой баночки «Хантс».

– Мама, ты это уже говорила на прошлой неделе, – сказала Бриндл. – Сегодня ты смотрела повтор и теперь повторяешь свои же прежние претензии.

– Ничего подобного! На прошлой неделе я о таких программах и не слышала.

– Ты нам тогда все в подробностях описала: лимонную цедру, сельдерей...

– По-твоему, меня подводит память? – спросила Луиза.

– Дамы. Прошу вас, – сказал Морган.

По правде говоря, кое-какие сложности с памятью у матери в последнее время возникали. Иногда она принималась упрямо повторять одно и то же, как будто ее мозг заедал, точно старая пластинка на определенных дорожках. Но если ей напоминали об этом, она лишь нервничала. Морган соорудил Бриндл гримасу, та пожала плечами и намастила еще один ломтик хлеба.

Тем временем его дочери ужинали, погруженные в свою, отдельную неразбериху сплетен, ссор и смешков, – семь худеньких девочек в джинсах плюс еще одна, маленькая, светловолосая, тощенькая подружка Кэйт со штифтиками из искусственных бриллиантов в проколотых мочках ушей. Она сидела между Кэйт и Эми и пристально смотрела на Моргана, словно не одобряя его. Ему стало не по себе. Он не мог радоваться жизни, когда кто-то – пусть даже случайный прохожий – находил его неприятным. Ужин Морган начал в хорошем настроении, театрально накручивал спагетти на вилку и говорил с сильным итальянским акцентом, но постепенно сник.

– Почему ты все смотришь на меня? – спросил он теперь. – Мы знакомы?

– Сэр?

– Это Кокетт, – сказала ему Кэйт.

– Ага. Кокетт.

– Мы с ней в одном классе учимся. И нам нравится один и тот же мальчик.

Морган нахмурился.

– Один и тот же? – переспросил он.

– Да, Джексон Эпс.

– Вы же всего лишь в пятый класс перешли!

– Он нам и в четвертом нравился.

– Смехотворно, – заявил, повернувшись к Бонни, Морган. Бонни улыбнулась ему; она никогда не знала, в какой момент пора начинать тревожиться. И он спросил у сестры: – Куда

катится мир? К чему мы придем? Это все куклы вроде Барби и Кена да косметика «Динь-Динь».

– Мне тоже в пятом классе нравился мальчик, – ответила Бриндл.

– Мальчик?

– Роберт Робертс.

– О господи, Бриндл, не заводись ты снова насчет Роберта Робертса.

– Роберт Робертс был уже в пятом классе? – спросила Кэйт. Она подтолкнула Кокетт локтем и объяснила: – Роберт Робертс был детской любовью Бриндл.

– Не только в пятом, – ответила Бриндл, – и в четвертом, и в третьем, и во втором...

У нас был общий сборник упражнений по чтению, свой он вечно терял. Еще в детском саду мы как-то зашли в «Дешевые книги Билли» и он приклеил мне на щеку ярлык с надписью НЕМНОГО ПОТРЕПАННАЯ. Он был со мной на первых школьных танцах, и на первом автомобильном свидании, и на пикнике старшеклассников.

Морган вздохнул и забарабанил пальцами по спинке своего стула. Бонни положила себе еще салата.

– А потом, в колледже, я с ним порвала, – сказала, обращаясь к Кокетт, Бриндл. – Вернула ему его школьный перстень, обмазанный свечой, – чтобы перстень держался на моем пальце, полсвечки извели, не меньше. Пойди я в нем купаться, наверное, утонула бы.

– А почему порвали? – спросила Кокетт.

– Вышла за другого.

– Но *почему*? Почему вышли за другого?

Бриндл отодвинула от себя тарелку, поставила локти на стол. И начала:

– Ну не знаю, стоит ли... Когда я рассказываю о нем, все кажется таким простым, верно? Но, понимаешь, даже в детском саду он иногда вел себя глупо, иногда надоедал мне, а временами я была от него без ума, и когда мы выросли, все только ухудшилось. Он мне то нравился, то не нравился, а порой я и вовсе выбрасывала его из головы. Случалось, что и я переставала ему нравиться. Я это знала, мы вообще знали друг друга слишком хорошо. Мне и в голову не приходило, что так было бы и с любым другим. Я же никого *другого* не знала. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Кокетт явно не понимала – ни слова. Ерзала, поглядывая на тарелку с шоколадными печеньями, которая стояла на приставном столике. Однако Бриндл этого не замечала.

– Вот я и вышла за человека старше меня, – продолжала она. – Он жил в центре города, рядом с прежним домом мамы. Это оказалось ужасной ошибкой. Он был ревнивым собственником, все время боялся, что я от него уйду. Никогда не давал мне денег, только счета для меня открывал в магазинах, а каждую неделю – чуть-чуть наличных на продукты. И я семь лет покупала еду в кулинарных отделах универсальных магазинов – крошечные баночки ветчины, совсем белые стебли спаржи, обрезки земляных груш и сердцевинки пальм – и так экономила и кое-что откладывала. Могла купить несколько мотков пряжи, а потом возвращать их один за другим и получать наличные. Подписывалась на каждую грошовую скидку, на каждое предложение о возврате денег, какое мне попадалось. И под конец семи лет сказала: «Ну все, Хорас, я скопила пять тысяч долларов и теперь ухожу». И ушла.

– Ей потребовалось скопить пять тысяч долларов, – сообщил потолку Морган, – чтобы доехать автобусом от своего дома до моего. Три с половиной мили. Самое большее четыре.

– Мне как будто был брошен вызов, – заявила Бриндл.

– И ведь все то время я предлагал ей помощь.

– Мне как будто хотелось сказать ему: «Видишь? Меня так просто не одолеть, я сильнее, чем ты думаешь».

Моргана всегда интересовало, получает ли человек при рождении лишь строго определенный запас сил, который не пополняется, после того как их используют? Потому что за

четыре года, прошедшие со времени, когда она ушла от мужа и словно с неба свалилась на третий этаж дома Моргана, Бриндл его практически не покидала, да и облачалась во что-либо, помимо полинявшего лавандового халата, крайне редко. И по сей день ни разу не заикнулась о том, чтобы подыскать работу или собственную квартиру. А когда ее муж умер от удара – меньше чем через полгода после ее ухода, – ее это вроде бы совершенно не тронуло.

– И ладно, – только и сказала она. – Полагаю, это избавило меня от поездки в Ниро.

– Ты не Рино⁴ имеешь в виду? – спросил Морган сестру.

– Все едино, – ответила она.

Собственно говоря, какая-то сила духа обнаруживалась в ней, лишь когда она рассказывала эту историю. Глаза Бриндл становились треугольными, кожа разглаживалась.

– Для меня это было нелегкое время, – продолжала она. – Все складывалось так плохо. А Роберт Робертс – ну, я слышала, что он женился на девушке из Гейтерсберга. Стоило мне на секунду повернуться к нему спиной, как он и женился. Это же надо! Да нет, я его не виню. Я понимаю – сама виновата. Сама загубила свою жизнь, никто не помогал, а теперь уже ничего не изменишь, поздно. Я установила все переключатели в нужное положение, определила курс и полетела напрямик к крушению.

Крушению, отозвалось эхо в высоком лепном потолке. Бонни сняла с приставного столика тарелку шоколадных печений, обошла с ней девочек, бравших по два-три сразу. Морган резко наклонился вместе со стулом вперед, наставил на Бриндл любопытный, испытующий взгляд, однако она ничего не заметила.

---

⁴ Город в штате Невада. Там можно очень быстро оформить брак или развод; прозван «бракоразводной столицей мира».

6

Спустя несколько часов он и Бонни возвращались из кино, тащились по черному, зеркальному тротуару к остановке автобуса. Ночь была мгlistая, сырая, более теплая, чем день. Неоновые вывески плавали в радужной дымке, задние огни машин ускользали в туман и, казалось, сжимались, а затем исчезали. Бонни держала Моргана под руку. Ее плащ в складку Морган помнил со времен их первых встреч, туфли на каучуковой подошве издавали при ходьбе что-то вроде пыхания.

– Может быть, – сказала она, – завтра ты все-таки успеешь снова собрать машину.

– Да, может быть, – рассеянно ответил Морган.

– А то мы уж неделю как автобусом ездим.

Морган размышлял о фильме, который показался ему не очень убедительным. Каждый персонаж был слишком уж уверен в том, как будут поступать остальные. Герой, своего рода двойной агент, строил изощренные планы, основанные на убеждении, что другой, ничего о нем не ведающий человек появится в определенном месте или примет определенное решение, и этот другой неизменно так и делал. Часовые в самые решительные моменты смотрели в сторону. Высокопоставленные чиновники отправлялись обедать точно в то время, в какое отправлялись всегда. Неужели в жизни этих людей Б никогда не случалось вместо А? Морган плелся по тротуару, неодобрительно глядя на свои ступни. Откуда-то из памяти вынырнули наманикюренные, ухоженные руки героя, умело собирающие винтовку из разрозненных частей, провезенных через границу в кожаном кейсе.

Они добрались до автобусной остановки, постояли, оглядывая улицу.

– Как бы нам всю ночь тут не проторчать, – благодушно заметила Бонни. Она сняла с головы защищавший ее от дождя плиссированный пластиковый платок, стряхнула с него капли.

– Бонни, – сказал Морган, – почему у меня нет вельветовой куртки?

– У тебя есть, – ответила она.

– Есть?

– Черная, с замшевыми отворотами.

– А, эта.

– Чем она нехороша?

– Я предпочел бы куртку ржавого цвета, – объяснил он.

Бонни окинула его взглядом. Казалось, она хотела что-то сказать, но потом передумала.

Громыхая, подкатил автобус с золотисто светящимися окнами – целая цивилизация, представилось Моргану, плывущая сквозь вселенную. Автобус остановился, сопя, впустил их. Для столь позднего часа в нем было необычайно людно. Свободных парных сидений не осталось. Бонни села рядом с женщиной в форменной одежде медицинской сестры, а Морган, вместо того чтобы подыскать себе место, остался стоять, покачиваясь, рядом с ними в проходе.

– Я хотел бы красновато-ржавую куртку с протертыми локтями, – сказал он.

– Ну, – сухо ответила Бонни, – локти, я так понимаю, тебе придется самому протирать.

– Не знаю, может, найдется что-нибудь в секонд-хенде.

– Морган, ты не мог бы обойтись без секонд-хенда? Владельцы некоторых вещей, которые ты там покупаешь, умерли.

– Это еще не причина выбрасывать хорошую одежду.

Бонни достала из кармана скомканный «клинекс», вытерла им мокрое от дождя лицо.

– И хорошо бы еще, – добавил Морган, – купить брюки цвета хаки и по-настоящему старую, мягкую, чисто белую рубашку.

Она вернула «клинекс» в карман и некоторое время молча раскачивалась вместе с автобусом, глядя перед собой. А потом спросила:

- Кто теперь?
- Что значит «кто»?
- Кто так одевается?
- Никто! – ответил он. – О чем ты?
- Думаешь, я слепая? Думаешь, не видела это уже сто раз?
- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Бонни пожалала плечами и отвернулась к окну.

Автобус уже ехал по их району. Над входными дверьми домов светились фонари. Мужчина в шляпе прогуливал бигля. Юноша подносил к сигарете девушки зажженную спичку, прикрыв ее ладонями. На сиденье за спиной Бонни разговаривали две женщины в шубках.

– Я думаю, ты уже слышала новость, – говорила одна. – У Энджи муж умер.

– Умер? – переспросила другая.

– Просто взял и умер.

– Это как же?

– Ну, он побрился, намазался кремом после бритья, вернулся в спальню, присел на кровать...

– Но от чего же? Сердце?

– Я же тебе и *рассказываю*, Либби...

У Моргана возникло неприятное чувство. Нет, уверенность: его ладонь, сжимавшая прямо перед этими женщинами спинку сиденья, до того отвратительна, что они несут полную чушь, лишь бы не думать о ней. Ему представилось, что он видит свою руку их глазами – точно такой, какой ее видели они: узловатые пальцы, жесткие черные волоски, опилки под ногтями. Хуже того, он видел и себя самого, целиком. Ну и жаба! Жаба в шляпе и с бородой. Собственные глаза ощущались им как огромные, горящие, усталые, обремененные гротескными темными мешочками.

– Взял он носки, – с безнадежной интонацией продолжала первая женщина, – стал их расправлять. Один носок оказался в другом, знаешь, как это бывает...

На Моргана она не смотрела, не хотела снова увидеть его ладонь. Он снял ее со спинки, засунул кулаки под мышки. И так до конца и ехал, ни за что не держась, сильно накренясь при каждой остановке автобуса.

Дома девочки делали в столовой уроки, Бриндл раскладывала на кухонном столе карты Таро. Морган прямиком отправился наверх, в постель.

– Ты вроде бы кофе собирался выпить, – сказала Бонни. И окликнула его: – Морган? Не хочешь чашку кофе?

– Нет, сегодня, пожалуй, не стоит, – ответил он, продолжая подниматься по лестнице. – Спасибо, милая.

Морган вошел в спальню, разделся до термобелья, вынул из лежавшей на комодке пачки сигарету, закурил. Впервые за весь день голова его осталась непокрытой. Лоб выглядел в зеркале прорезанным морщинами, беззащитным. Он заметил в бороде белую прядь. Белую! «Господи!» – произнес он. И наклонился, чтобы разглядеть ее получше.

Может, стоит попробовать, подумал Морган, выдать себя за одно из тех чудес света, что проживают в Советском Союзе, – за столетия-столетилетнего старика, который все еще поднимается в горы со своим козым стадом? Он приободрился. А что, поездил бы с лекциями по стране, снимал бы в каждом городишке рубашку и показывал публике свою заросшую черным волосом грудь. Журналисты спрашивали бы, в чем его секрет. «Просто-кваша и сигареты, товарищи, – усмехнулся он в зеркало. И сделал пару хвастливых, гарцующих шажков. – Никогда и ничего кроме простокваши и русских сигарет».

Повеселев, он подошел к стенному шкафу, вытащил оттуда свою картонную коробку, поставил на кровать. Расхаживая по комнате и готовясь к ночи – включая электроодеяла, прислоня к спинке кровати подушку, отыскивая пепельницу, – он глубоко затыгивался «Кэмелом». Потом забрался в постель, поставил пепельницу себе на бедро. Первым делом следовало справиться с легким приступом кашля. Пепел осыпал нижнюю рубашку. Морган снял с языка табачную крошку. «Ах, товарищцы», – просипел он. И, открыв коробку, взял верхний листок и откинулся на подушку – почитать.

1. Прежде чем начать, ознакомьтесь со всеми этапами.

2. Имейте под рукой следующее: плоскогубцы, крестовую отвертку...

Он опустил листок, посмотрел на черные окна. В милях отсюда, представилось ему, гаснут окна на Кросуэлл-стрит, сначала левое, потом правое. Ребенок пошевелился во сне. Леон снял руку с выключателя, прошел по холодному полу к убогой постели. Затем все звуки дня смолкли, осталось только тихое дыхание спящих, не видящих снов, неподвижных на стареньких простынях.

Морган тоже выключил свет и поудобнее устроился на ночь.

1969

1

Чего он от них хочет? Создавалось впечатление, что он повсюду – странного вида неотвязная тень, которая плелась за ними во время прогулок, укрывалась в дверных проемах, вжималась в стену за углом какого-нибудь здания. Конечно, они могли – да и следовало бы – просто повернуться к нему. «О, доктор Морган! (Удивленно улыбаясь.) Как мы рады вас видеть!» Но почему-то не получалось. Когда они в первый раз заметили его – а вернее сказать, ощутили присутствие, Гина была тогда еще совсем маленькой, – то даже не сообразили, кто это. Они возвращались в сумерках из похода по магазинам, немного подрагивая от своего рода плавной тьмы, что втекала в проулки за их спинами и вытекала оттуда. Эмили испугалась. Леон рассердился, однако рядом с ним шла Эмили, а на руках он нес Гину и потому обострять ситуацию не хотел. Они просто прибавили шагу и разговаривали друг с другом громко, небрежно, ни разу не упомянув о преследователе. Во второй раз Эмили была одна. Малышку она оставила с Леоном, а сама вышла купить фетра для кукол. И прямо напротив их дома, в арочном гранитном проеме, кто-то быстро отступил во мглу прачечной самообслуживания. Она не обратила внимания, была занята тем, что прикидывала, сколько ярдов ткани ей понадобится. Но вечером, когда вырезала остроконечную шляпу Румпельштильцхена, воспоминание внезапно всплыло в ее голове. Она увидела, как этот человек покидает поле ее зрения, хотя шляпа его остроконечной и не была, скорее плоской – берет, быть может. И все-таки... разве она не видела его и прежде? Эмили вскрикнула:

– Ой! – и положила ножницы на стол. – Угадай, кого я, по-моему, встретила сегодня? – обратилась она к Леону. – Того доктора. Доктора Моргана.

– Ты не спросила, почему он так и не прислал нам счет?

– Нет, вообще-то он... Я его не то чтобы встретила. Ну, то есть он меня не заметил. Вернее, заметил, но вроде бы... Скорее всего, – сказала она, – это был не доктор Морган. Доктор наверняка заговорил бы со мной.

А через месяц или около того он увязался за ней на Бикон-авеню. Она остановилась у витрины магазина детской одежды и почувствовала, что неподалеку остановился другой человек. Повернулась и увидела на некотором расстоянии от себя мужчину, который стоял к ней спиной, оглядывая улицу. Такой мог бы, подумала она, выйти прямо из фильма про приключения в джунглях – костюм «сафари», носки до колен, полусапоги и огромный тропический шлем. По всей его одежде поблескивали никчемные пряжки и колечки на лямках – на плечах, на руках, на задних карманах. Никакой опасности от него не исходило, просто один из тех чудачков, на которых часто натыкаешься в городе. Эти люди разыгрывают какую-то лишь им одним понятную роль. Она пошла дальше. А перед тем как перейти следующую улицу, обернулась и увидела его, торопливо приближавшегося, покачиваясь, солдатским шагом, под стать одежде; глаза прикрывал шлем, зато буйная борода торчала всем напоказ. О, не узнать эту бороду было нельзя. Доктор Морган! Она шагнула к нему. А он, поглядев на нее, прихлопнул ладонью по шлему и метнулся в дверь, над которой значилось: ЛУ-РАЙ: ИЗЫСКАННЫЕ ПРИЧЕСКИ.

Эмили почувствовала себя нелепо, сообразив, какой открытой и радостной выглядела, собираясь произнести его имя. Но в чем дело? Почему она не нравилась ему больше? Они вроде бы так заинтересовали его тогда, при рождении Гины.

Леону она ничего не сказала. Он, глядишь, и рассердился бы – с ним ничего заранее не знаешь. Эмили решила, что в любом случае это была просто-напросто необъяснимая встреча – бессмысленная, и раздражать ею Леона не стоило.

В общем, началось все неудачно, можно так сказать. Был момент, когда они могли во всем разобраться честно и откровенно, – был да сплыл. После нескольких подобных инцидентов (разделенных неделями, если не месяцами), когда то одно, то другое мешало им подойти к этому человеку и поздороваться с ним самым естественным образом, обоим стало казаться, что события развиваются, следуя собственным законам. Теперь уже ничего не поправишь. По-видимому, этот человек был сумасшедшим – по крайней мере, одержимым непонятно чем. (Эмили теперь вздрагивала, вспоминая, что это он принимал Гину.) И все же, как отмечал Леон, никакого вреда он не причинил. По правде говоря, Эмили, считал Леон, слишком уж переживает. Нужно просто привыкнуть к этому человеку как к чему-то неотвратимому. Он никогда им не угрожал и даже близко к ним не подходил, потому жаловаться было не на что. Он такая же часть внешней обстановки их жизни, как стоящие вдоль Кроссуэлл-стрит одинаковые дома, или запыленные, хилые, умирающие от выхлопов автомобилей деревья, или куклы в муслиновых саванах, висящие на крюках в чулане тыльной спальни.

2

Сейчас, зимой, работы у них стало поменьше. В рождественскую пору пришлось немного попотеть (праздничные базары, детские праздники в богатых семьях), однако ни ярмарок под открытым небом, ни шумных гуляний, на которых они выступали летом, не было. Эмили использовала это время, чтобы соорудить новую сцену – деревянную, на петлях, складную, – починить некоторых кукол, сшить для них новые костюмы. Нескольких она заменила, что привело к обычному вопросу: как поступить со старыми? Они представлялись ей чем-то вроде мертвых тел – нельзя же взять и выбросить их в мусорный бак. «Пусти их на запчасти, – неизменно советовал Леон. – Сохрани глаза. И нос этот тоже, уж больно хорош». Приставить рябой пробочный нос бабушки Красной Шапочки другой кукле? Не годится. Это будет неправильно. Да и как разодрать бабушкино лицо? Эмили уложила ее в картонную коробку рядом с обшарпанной Красавицей из «Красавицы и чудовища» – самой первой из ее кукол. Сейчас у них была уже третья Красавица, куда более сложная, с лицом, сшитым из ткани. Куклы изнашивались не от представлений – причина была в детях, которые подходили к ним по окончании спектакля и похлопывали кукол по парикам, гладили по щекам. Лицо Красавицы посерело от следов детских ладошек, а желтые волосы излохматились и выглядели просто ужасно.

Куклы занимали целую комнату – пустую тыльную спальню с уходящими в потолок облезлыми серебристыми трубами. По одной стене расплзлось желтое пятно от дождевой воды, рама окна была покрашена так, что и не открывалась, стекла обросли уличной копотью. Когда на них падал после полудня солнечный свет, они словно покрывались белой матовой пленкой. Деревянный пол награждал коленки Гины занозами и чернил ее ползунки. Фаянсовый дверной шишак покрывала сеточка трещин, а сама дверь висела на петлях криво. Эмили, работавшая дотемна при свете настольной лампы с гнущейся шеей, видела под этой дверью не полоску падавшего из коридора света, а клинышек, похожий на длинный кусок круглого пирога.

Эмили допоздна чинила ведьму – всеобщую мачеху, игравшую во множестве пьес. Неудивительно, что она изнашивалась быстрее других. Один ее черный пуговичный глаз ненадежно висел на ниточке. Эмили сидела на стремянке, единственном в комнате предмете мебели, и завязывала на длинной нитке крепкий узелок.

Наиболее ходовые куклы хранились в ящике из-под калифорнийского шабли, который стоял в углу комнаты, головы их торчали из картонных отделений: две юные девицы (блондинка и брюнетка), принц, лягушка из зеленого фетра, карлик. Другие покоились в чулане, упрятанные в муслиновые мешочки с именными бирками: *Рип ван В. Дурачок. Лошадь. Король*. Эмили нравилось время от времени менять их местами, поручать им непривычные для них роли. Из Рипа ван Винкля, если лишить его съемной бороды, выходил недурной Третий Сын в любой из сказок, где глупые, добросердые Третьи Сыновья получают под конец принцессу и полкоролевства. Ему эта роль была в самый раз. Одна только Эмили знала, что она ему не приличествует, и это, чувствовала она, придавало спектаклю особую пикантность. Эмили сама произносила его реплики (Леон играл двух других сыновей), подпуская в голос избыточную гнусавость. Тем временем настоящий Третий Сын – более смазливый и менее оригинальный – лежал на спине, бессмысленно улыбаясь, за сценой.

Эмили никогда и не думала, что станет кукловодом, да, собственно, даже сейчас и она, и Леон считали это временной работой. В колледже она изучала математику и получала полную стипендию – единственная в Тэйни, штат Виргиния, девушка, которая не вышла замуж, едва закончив школу, и не пошла работать в «Бумажные изделия Тэйни». Отец Эмили погиб в автомобильной катастрофе, когда она была совсем маленькой, а в начале ее первого универ-

ситетского года умерла от болезни сердца и мать. Пришлось жить своим умом. Она рассчитывала стать учительницей в средней школе. Эмили нравился спокойный, систематический процесс, по завершении которого беспорядочная мешанина чисел обращается в одно-единственное число, нравилось преобразование и упрощение уравнений, которое и составляет основу преподаваемой в неполной средней школе математики. Однако еще до окончания осеннего семестра она познакомилась с Леоном, студентом предпоследнего курса, увлекавшимся актерской игрой. *Специализироваться* по ней он не мог (в колледже такой специализации не было), поэтому основным предметом избрал английскую литературу, но успевал по всем предметам едва-едва, поскольку играл в каждой пьесе, какая ставилась в кампусе. Эмили впервые поняла тогда, почему актеров называют «звездами». Когда Леон выходил на сцену, в нем и вправду появлялось что-то ослепительное. Посмотреть на него вблизи – просто жилистый, долголицый и угрюмый молодой человек с немного опущенными внешними уголками глаз и ртом, уже взятым в скобки двумя морщинами-полумесяцами, а на сцене все это производило впечатление силы и глубины. Он был таким собранным. Его персонажи были до того сосредоточены на чем-то своем, что все остальные выглядели в сравнении с ними деревянными. Голос Леона (в повседневной жизни низковатый и мрачный) словно бы улетал дальше прочих. Слова он произносил любовно и предварял их кратчайшими паузами, будто поддразнивая зрителей, и начинало казаться, что он придумывает их на ходу, а не извлекает из памяти.

Эмили считала его чудесным. Она не знала никого похожего на Леона. Собственная ее семья была такой заурядной, тусклой, а детство таким обычным (его – ужасным). Они начали проводить все время вместе: просиживали послеполуденные часы в буфете колледжа за одной-единственной бутылкой пепси, занимались в библиотеке, переплетя под столом ноги. Слишком стеснительная, чтобы выходить с ним на сцену, Эмили обладала умелыми руками и потому записалась в театр декоратором. Она сколачивала помосты, лестницы, балконы, изображала на полотнищах брезента зеленый лес, а к следующей постановке превращала его в цветастые обои или стенные панели красного дерева. Между тем оказалось, что эта шаткая связь с театром сделала ее жизнь более драматичной. Она смущенно присутствовала при сценах, которые устраивали Леону родители, – отец, ричмондский банкир, произносил длинные тирады, мать вытирала платочком глаза и вежливо улыбалась в пространство. По-видимому, университет уведомил их, что оценки Леона сползли ниже некуда. Если не возьмется за ум, его отчислят за неуспеваемость. Почти каждое воскресенье родители приезжали аж из самого Ричмонда, чтобы посидеть в тесной, забитой мебелью гостиной студенческого общежития, добиваясь от Леона ответа на вопрос: какую профессию он рассчитывает получить, имея средней оценкой «плохо»? Эмили была бы рада обойтись без этих встреч, но Леон хотел, чтобы она присутствовала при них. Поначалу его родители были с ней приятельны. Потом дружелюбия в них поубавилось. Не из-за чего-то сделанного ею – может быть, из-за чего-то *не* сделанного. Эмили неизменно проявляла в обращении с ними сдержанность, сухое спокойствие. Она происходила из старой квакерской семьи и была склонна, как ей говорили, ощущать себя слишком уютно посреди долгого молчания. Иногда ей казалось, что все идет прекрасно, между тем как окружавшие ее люди отчаянно пытались придумать тему для разговора. И потому Эмили очень старалась быть общительной. Готовясь к встрече с родителями Леона, она крашшила губы, надевала чулки и старалась заранее запастись нейтральными темами, которые сможет с ними обсудить, и, пока Леон и его отец переругивались, рылась в умственной картотеке, отыскивая возможность отвлечь их.

– Мы теперь на занятиях Толстого читаем, – сказала она матери Леона в одно апрельское воскресенье. – Вам нравится Толстой?

– О да, он у нас есть и в кожаных переплетах, – ответила миссис Мередит, промокая платочком нос.

– Может быть, Леону следует заняться русской литературой, – сказала Эмили. – Мы ведь и пьесы тоже проходим.

– Пусть сначала сдаст что-нибудь на родном языке, черт побери! – отозвался его отец.

– Но мы это читаем на английском.

– Проку-то? По-моему, его родной язык – монгольский.

Между тем Леон стоял спиной ко всем у окна. Эмили находила его взлохмаченные волосы и отчаянную позу трогательными, но в то же время не могла не удивляться тому, как он сумел довести родителей до их нынешнего состояния. Они ведь не из тех, кто склонен закатывать сцены. Мистер Мередит был человеком солидным, деловым; миссис Мередит – полной такого достоинства и самообладания, что оставалось лишь поражаться предвидению, которое посоветовало ей прихватить с собой носовой платок. И тем не менее каждую неделю что-нибудь шло не так. Было у Леона обыкновение неожиданно бросаться в бой, и проделывал он это быстрее всех, кого знала Эмили. Казалось, он совершает какой-то мысленный скачок, уследить за которым ей не удавалось, и впадает в бешенство, хотя всего секунду назад был совершенно ровен и разумен. Он швырял в лицо родителям сказанные ими слова, бил кулаком по ладони. Уж слишком он возбудим, думала Эмили. И она снова обратилась к миссис Мередит.

– Сейчас мы занимаемся «Анной Карениной», – сообщила она.

– Все это коммунистическая писанина, – объявил мистер Мередит.

– Это... что?

– Ну а как же, трактора, пролетарии соединяйтесь, убийство царя и Анастасии...

– Ну, я не... по-моему, это было немного позже.

– Вы что же, из этих университетских левых?

– Нет, но я не думаю, что Толстой дожил до этого.

– Конечно, дожил, – сказал мистер Мередит. – Где бы, вы думаете, был ваш дружок Ленин без Толстого?

– Ленин?

– Вы и это отрицаете? Послушайте, девочка моя. – Мистер Мередит с серьезным видом наклонился к ней, переплел пальцы. (Наверное, так он сидит в банке, подумала Эмили, объясняя какому-нибудь фермеру, почему не может дать ему ссуду под урожай табака.) – Едва Ленин пролез к власти, как первым делом вызвал Толстого. Толстой то, Толстой это... Каждый раз, как им требовалась письменная пропаганда, он говорил: «Попросите Толстого. Попросите Льва». Так все и было! Неужели вам не рассказали об этом в колледже?

– Но... я думала, что Толстой умер в тысяча девятьсот...

– Сороковым, – заявил мистер Мередит.

– Сороковым?

– Я тогда университет заканчивал.

– О.

– А Сталин! – продолжал мистер Мередит. – Послушайте, это же *одна* шайка была. Толстой и Сталин.

Леон вдруг отвернулся от окна и покинул гостиную. Слышно было, как он поднимается этажом выше, к спальням. Эмили и миссис Мередит переглянулись.

– Если хотите знать мое личное мнение, Толстой был для Сталина чем-то вроде бельма на глазу, – возвестил мистер Мередит. – Понимаете, *прогнать* Толстого он не мог, малый стал к тому времени слишком известен, но при этом и слишком консервативен. Вы, конечно, знаете, что он был человеком обеспеченным. У него были большие земли.

– Да, верно, большие, – согласилась Эмили.

– А это, сами понимаете, было не очень удобно.

– Да, пожа...

– Вот Сталин и говорит своим прихвостням: «Штука в том, что он староват. Плохо соображающий старикан, да еще и крупный землевладелец».

Эмили кивала, слегка приоткрыв рот.

Леон, топая, спустился по лестнице. И вошел в гостиную, держа в руках открытый словарь.

– «Толстой, Лев, – вслух прочитал он, – тысяча восемьсот двадцать восьмой – тысяча девятьсот десятый».

Наступило молчание.

– Родился в восемьсот двадцать восьмом, умер в девятьсот...

– *Ладно*, – перебил его мистер Мередит. – И к чему это нас приводит? Не пытайся смелить тему, Леон. Мы говорили о твоих оценках. Твоих жалких оценках и дурацком актерстве.

– Я отношусь к моему актерству серьезно, – сказал Леон.

– Серьезно! К актерству?

– Заставить меня отказаться от него ты не можешь, мне двадцать один год. Я свои права знаю.

– Не указывай мне, что я могу, а чего не могу, – потребовал мистер Мередит. – Предупреждаю, Леон, если ты не откажешься, я заберу тебя из колледжа, я еще не оплатил следующий год обучения.

– Ах, Берт! – воскликнула миссис Мередит. – Ты этого не сделаешь! Его же в армию призовут!

– Армия – лучшее, что может случиться с этим мальчишкой, – заявил мистер Мередит.

– Ты не можешь!

– Ах, не могу? – Он повернулся к Леону: – Сегодня ты поедешь с нами домой, и пока я не получу подписанное тобой и заверенное у нотариуса обязательство отказаться от всего, что не связано с учебой, – от пьес, от девушек... – Он махнул туго обтянутой розовой кожей ладонью в сторону Эмили.

– Держи карман шире.

– В таком случае собирай вещички.

Миссис Мередит всплеснула руками:

– Берт!

А Леон сказал:

– С удовольствием. К ночи меня здесь не будет. И дома тоже – ни сейчас, ни когда-либо.

– Видишь, что ты натворил? – спросила мужа миссис Мередит.

Леон вышел из комнаты. Сквозь окна гостиной с маленькими панельками рифленого стекла Эмили смотрела, как его угловатая фигура, пересекая двор колледжа, раз за разом вывихивается, распадается и воссоединяется снова. Эмили осталась наедине с родителями Леона, похоже, замолчавшими надолго. Она чувствовала себя одной из них, женщиной, которая проведет остаток жизни среди тяжелых драпировок той или иной гостиной, – маленькой, обратившейся в сухую палочку старухой.

– Извините, – произнесла она, вставая. Вышла в коридор, тихо прикрыла за собой дверь и побежала вслед за Леоном.

Нашла она его у фонтанчика перед библиотекой, неторопливо бросавшим камушки в воду. Когда запыхавшаяся Эмили подошла к нему и тронула за руку, он на нее даже не взглянул. Лицо Леона светилось теплым оливковым светом, который она находила прекрасным. Глаза – продолговатые, с тяжелыми веками – казались полными замыслов. Эмили верила: никогда ей не повстречать другого столь же решительного человека. Даже очертания его тела представлялись ей более резкими, чем у прочих людей.

– Леон? – окликнула она. – Что ты будешь делать?

– Поеду в Нью-Йорк, – ответил он так, точно планировал это уже не один месяц.

Эмили всегда мечтала увидеть Нью-Йорк. Она сжала руку Леона. Впрочем, он ведь не позвал ее с собой.

Чтобы увильнуть от его родителей – вдруг те разыскивают его, – они пошли в темный итальянский ресторанчик рядом с кампусом. Леон разговорился насчет Нью-Йорка. Может быть, сказал он, ему удастся найти работу в какой-нибудь летней труппе, а если повезет, получить эпизодическую роль во внебродвейском театре. Он все время говорил «я», не «мы». Эмили понемногу охватывало отчаяние. Ей хотелось найти какой-то изъян в его лице, которое казалось таким одухотворенным в сумраке ресторана.

– Сделай мне одолжение, – попросил Леон, – сходи в мою комнату, уложи вещи, самые необходимые. Я боюсь, что мама с папой будут ждать меня там.

– Хорошо, – сказала она.

– И принеси мою чековую книжку, она лежит в верхнем ящике туалетного столика.

Мне понадобятся деньги.

– Леон, у меня есть восемьдесят семь долларов.

– Сохрани их.

– Это остаток карманных денег, которые дала мне тетя Мерсер. Мне они не понадобятся.

– Перестань ты наконец *суетиться!* – потребовал он, но все же прибавил: – Прости.

– Да ничего.

Они вернулись в кампус, Леон остался ждать у фонтана, а Эмили пошла в его комнату. Родителей в гостиной уже не было. Два кресла, в которых они сидели, пустовали, их обшивка, тихо вздыхая, постепенно расправлялась, стирая оставленные мистером и миссис Мередит отпечатки.

Эмили поднялась по лестнице к спальням. Здесь она почти не бывала. Девушки сюда допускались, но заглядывали редко, в этой части общежития ощущалось что-то неловкое. Двое юношей перебрасывались в коридоре мячом для софтбола. Когда Эмили бочком миновала их, они нехотя остановились, а едва отойдя от них, она снова услышала за спиной шлепки по мячу. Она постучала в дверь 241. Сосед Леона по комнате отозвался:

– Да.

– Это Эмили Кэткарт. Можно мне войти, забрать для Леона кое-какие вещи?

– Конечно.

Он сидел, откинувшись вместе со стулом назад от своего стола, и занимался, судя по всему, только тем, что с помощью аптечной резинки обстреливал канцелярскими скрепками висевшую на стене пробковую доску. (Как она сможет полюбить, утратив Леона, еще кого-то?) Скрепки, ударяясь о доску, падали в стоявшую под ней металлическую мусорную корзину.

– Мне нужен его чемодан, – сказала Эмили.

– Под той кроватью.

Эмили вытянула чемодан. Он был покрыт пылью.

– Мередит нас покидает? – спросил сосед.

– Он уезжает в Нью-Йорк. Только родителям его не говорите.

– В Нью-Йорк, значит? – без особого интереса произнес сосед.

Эмили начала вынимать из стенового шкафа рядом с кроватью Леона одежду, которую видела на нем чаще всего, – белые рубашки, брюки-хаки, любимую, как она знала, вельветовую куртку. Ей нравилась длина его брюк – она в таких утонула бы.

– А ты с ним собираешься? – спросил сосед.

– Не думаю, что он этого хочет.

Еще одна скрепка щелкнула по доске.

– Я поехала бы, но он меня не позвал, – сказала Эмили.

– Ну да, у тебя скоро экзамены. Должна же ты получить свои «отлично» и «отлично с плюсом».

– Поехала бы не задумываясь, – сказала она.

– Я так понимаю, он предпочитает путешествовать налегке.

– Это его комод?

Сосед кивнул, со стуком опустил передние ножки стула на пол.

– Ты же не думаешь, что на *моем* стояла бы твоя фотография, – сказал он. – Без обид, разумеется.

Фотография, подаренная ею Леону на Рождество, стояла за будильником, все еще в выданном фотостудией паспорту с волнистыми краями. Изображенная на ней девушка лишь отдаленно, надеялась Эмили, была похожа на нее. Эмили не любила напоминаний о своей внешности. Обычно она разгуливала по кампусу, видя его сквозь глазные отверстия своего тела, но вовсе об этом теле не думая, и испытала малоприятное потрясение, когда ее заставили усесться на фортепианный табурет, наклонить под неестественным углом голову и вспомнить о своей слишком светлой коже и белесых ресницах, которые имели свойство исчезать с фотоснимков. «Улыбнитесь, – сказал фотограф. – Я, знаете ли, не расстрельная команда». Она быстро изобразила нервную улыбку, чувствуя, с какой натужностью ее губы растягиваются поперек зубов. А когда фотограф пригнулся к аппарату, мгновенно стерла улыбку с лица. И оно получилось на снимке трезвым, пристальным, опасно напряженным, с поджатыми, как у старой девы, губами.

Снимок Эмили в чемодан не положила. А когда вернулась к ждавшему у фонтана Леону, то притащила не только его чемодан, но и свой.

– Мне все равно, что ты скажешь, – объявила Эмили. Произносить это она начала, еще не приблизившись к нему, уж очень ей хотелось высказаться. Она пыхтела и покачивалась: все-таки два чемодана – это не шутка. – Я еду с тобой. Ты не можешь бросить меня здесь!

– Эмили?

– Думаю, нам следует пожениться. Жизнь в грехе не очень удобна, – продолжала она, – но если ты предпочитаешь, я согласна и на такую. А если велишь мне остаться, все равно поеду. Нью-Йорк тебе не принадлежит! Поэтому не трать попусту слов. Я влзу в автобус и усядусь позади тебя. И после скажу таксисту: «Поезжайте за той машиной!» А в отеле попрошу портье: «Дайте мне, пожалуйста, номер рядом с его номером».

Леон усмехнулся. И она поняла, что победила. Опустила чемоданы на землю и стояла, глядя ему в глаза, но не улыбаясь. Собственно говоря, победила она с помощью намеренной, рассчитанной пылкости, которой на самом деле не обладала, и немного встревожилась, обнаружив, как легко его одолеть. А может быть, она его вовсе и не одолела, просто Леон знал, чего ожидает зритель: когда девушка является к тебе со своим чемоданом и ведет себя неподобающим образом, ты должен усмехнуться, развести руками и сдать. Усмешка была не лучшим из выражений, появлявшихся на лице Леона. Эмили никогда не видела его таким несобраным, колеблющимся. Лицо Леона стало каким-то асимметричным.

– Эмили, – сказал он, – что же я буду с тобой делать?

– Не знаю, – ответила она.

Ее и саму уже начинал тревожить этот вопрос.

Под вечер они выехали в Нью-Йорк автобусом «Грейхаунд». А на следующий день обосновались (впрочем, это больше походило на походную стоянку) в меблированной комнате с раковиной в углу и уборной в конце коридора. И в четверг поженились – быстрее закон попросту не допускал. «Когда я получала водительские права, – думала Эмили, – церемоний и то было больше». Вопреки ожиданиям, брак отнюдь не перевернул всю ее жизнь.

Эмили нашла место официантки в польском ресторане, Леон – всего лишь на время – устроился уборщиком в театр. Ранними вечерами он обходил разного рода кофейни, в кото-

рых выступали с чтениями актеры и поэты. Если Эмили в этот день не работала, брал с собой и ее. «Разве они не ужасны? – спрашивал он. – Я бы справился лучше». Эмили тоже так думала. Как-то раз они услышали монолог, исполнявшийся настолько бездарно, что она и Леон встали и пошли к выходу, актер же прервал чтение посреди строки и закричал: «Эй, вы! Не забудьте деньги в чашку положить!» Эмили и положила бы – она была готова на все, лишь бы избежать скандала, – но Леон разозлился. Она почувствовала, как он задержал дыхание и словно увеличился в размерах. К тому времени она уже знала, как далеко он может зайти, прогневавшись. Она сложила ладонь горсткой, словно собиралась взять его за локоть, но не прикоснулась к нему. Когда Леон раздражался, его лучше было не трогать. Но тут он выпустил воздух из груди и позволил Эмили увести его, хоть актер еще и кричал что-то им в спину.

Лето выдалось страшно удушливое, с грозами и черными тучами. Жара в их комнате производила впечатление живого существа. И они все время оказывались на грани полного безденежья. Эмили и не понимала раньше, сколь большое значение имеют деньги. Она чувствовала, что должна дышать помельче, сберегать силы, оставаться неприметной, проскальзывая мимо людей побогаче. У них с Леоном начались ссоры по поводу того, как тратить их скудный денежный запас. Он был более расточительным – транжирой, так она говорила. А Леон называл ее скупердьяйкой.

В июле Эмили перепугалась, решив, что забеременела. Она словно угодила в капкан, ее охватил ужас; признаться Леону она не посмела. А потому, когда выяснилось, что не беременна, не смогла и поделиться с ним своим облегчением. Эти переживания отложились в ее памяти. Она часто перебирала их, пытаясь найти в них какой-то смысл. Что же это за брак, если ты не можешь рассказать мужу о таких вещах? Да, но ведь он бы раздулся от гнева, а потом опал, как перестоявшее тесто. Брак был *ее* идеей, сказал бы Леон, и кто, как не она, вечно распространяется о том, как мало они могут себе позволить. Эмили представляла себе эту сцену настолько ясно, что почти поверила – так все и было. И затаила обиду на Леона. Иногда она вспоминала, как плохо он себя вел, и глаза ее наполнялись слезами. Но ведь не вел же! Даже возможности для этого не получил! (Так сказал бы Леон.) Тем не менее она все равно винила его. И посетила клинику планирования семьи, и сказала там, что если забеременеет, то муж ее убьет. Конечно, выражалась она фигурально, однако по тому, как глядел на нее социальный работник, догадалась, что в этом районе не всегда существует грань между тем, что фигурально, а что нет. Социальный работник посмотрел на руки Эмили и спросил, нет ли у нее других проблем. Ей хотелось рассказать о том, как она одинока, как скрывала от мужа страх перед беременностью, но было совершенно ясно, что ее проблема не такая уж и серьезная. В этом районе женщин иногда убивали. Эмили чувствовала, что кажется социальному работнику легковесной и пустой, она и пришла-то к нему в леотарде и юбке с запахом, словно позаимствованной из «Танца-модерн». А здесь на женщин нападали насильники, их избивали мужья. Между тем муж Эмили никогда и пальцем ее не тронул бы. Уж в чем, в чем, а в этом она была уверена. И не сомневалась, что находится в волшебном круге безопасности.

Эмили была не из гневливых женщин. Самое большее, на что она была способна, – это легкая вспышка запоздалого негодования, нападавшего на нее время от времени задним числом, после того как происходило нечто, что ей не понравилось бы, заметь она это вовремя. Возможно, будь она повспыльчивее, то знала бы, за какую ниточку следует дернуть, чтобы успокоить Леона. А так ей оставалась лишь роль зрительницы. Эмили напоминала себе: «Он может обижать других, но не меня». Эта мысль порождала в ней тихий всплеск удовольствия. «Он иногда бесится, – сказала она социальному работнику, – но не позволит даже волосу упасть с моей головы». Разгладила юбку и посмотрела на свои белые, бескровные руки.

В августе Леон познакомился с четырьмя актерами, которые задумали создать импровизационную группу под названием «С ходу». У одного из них имелся автофургон, они собирались развезать по Восточному побережью. («В Нью-Йорке пробиться трудно», – сказала одна из участниц труппы, Паула.) Леон присоединился к ним. С самого начала, думала Эмили, он был лучшим из них, иначе они его и не взяли бы, тем более с таким балластом – женой, которая впадала на публике в ступор и только зря место в фургоне занимала. «Я могла бы декорации строить», – сказала им Эмили, однако выяснилось, что они играют без декораций, на голой сцене. Идея была такая: выступать в ночных клубах, предлагая публике выбирать темы для импровизаций. Эта затея приводила Эмили в ужас, однако Леон сказал, что на лучшую школу он и надеяться не мог. Леон упражнялся с ними в квартире Барри Мэя, владельца фургона. Репетировать по-настоящему они не могли, но, по крайней мере, учились работать совместно, обмениваться сигналами, подавать друг другу реплики, которые мало-помалу приближали их к завершению сценки. Комедийной, конечно, ни о чем другом, говорили они, в ночном клубе и думать нечего. Сценки выстраивались вокруг ситуаций, которые пугали Эмили, – потеря багажа, взбесившийся дантист, – и, просматривая их, она сохраняла на лице легкую, отчасти язвительную хмурость, от которой не могла избавиться, даже смеясь. Вообще говоря, потерять багаж – ужасно. С ней такое однажды случилось, и, пока его не нашли, она всю ночь заснуть не могла. Да и представить себе, как взбесился твой дантист, тоже слишком легко. Эмили покусывала костяшку пальца, глядя, как Леон выходит на сцену, на его широкие, резкие жесты, на развалистую походку от бедра. В одном скетче он играл мужа Паулы. В другом – жениха. Целовал ее в губы. Конечно, это было только игрой, но как знать? Иногда если долго изображаешь какого-то человека, то им и становишься. Разве такого не бывает?

Начали они в сентябре. Выехали из Нью-Йорка в фургоне, погрузив туда все свои земные богатства, в том числе и два пухлых чемодана Эмили и Леона вместе с рифленным серебряным кофейником, который тетя Мерсер подарила им на свадьбу. Первым делом направились в Филадельфию, где у Барри был знакомый, дяде которого принадлежал бар. Три вечера подряд они играли скетчи перед публикой, а та продолжала говорить без умолку, тем же никаких не подавала, так что приходилось ее дурачить: идеи поступали от Эмили, садившейся ради этого у стойки бара. Потом перебрались немного южнее, в Хейтсвилл. Они вроде бы заранее договорились там о выступлениях, однако договоренность обернулась пшиком, и кончилось все тем, что выступать им пришлось в таверне, которая называлась «Клуб Уздечка» и оформлена была словно конюшня. У Эмили сложилось впечатление, что большинство тамошних посетителей были людьми семейными, однако супругов своих и супружниц оставили дома. Плотные мужчины в деловых костюмах, женщины с опрысканными лаком и позолотой волосами, одетые в платья, которые были им на размер малы, – все сплошь средних лет. Они тоже разговаривали во время скетчей, однако идеи подсказывали. Одному мужчине захотелось увидеть сценку, в которой девочка-подросток объявляет родителям, что собирается бросить школу и стать стриптизершей. Женщина предложила показать супружескую чету, поругавшуюся из-за попыток жены скормить мужу неведомые деликатесы. Оба сюжета вызвали у публики легкий всплеск веселья, актерам же удалось обратить их в довольно забавные скетчи, однако Эмили не покидала мысль, что эти двое говорили о том, что с ними и вправду случилось. Мужчина сильно походил на жалкого, неутешного отца-неудачника; женщина была столь кипуче весела, что, вполне вероятно, и вправду недавно сбежала от скучного мужа. Зрители пытаются сбавить свою боль актерам, догадывалась Эмили. Даже смех этих мужчин с красными, припухлыми лицами и женщин, храбравшихся под ношами похожих на башни причесок, и тот казался болезненным. Для третьего скетча мужчина, сидевший за столиком с тремя другими, предложил следующее: жена вбивает себе в голову, что ее муж, общительный малый, который любит немного

выпить в компании друзей, – он может пить, а может и не пить, да вообще способен завязать с этим делом, как только захочет, – если захочет, конечно, – так вот, она вообразила, что муж становится алкоголиком. «Покажите, как она понемногу съезжает с ума, – попросил мужчина, – как разбавляет водичкой “Джек Дэниэлс”, звонит доктору и “Анонимным алкоголикам”. И если муж просит выпить, приносит ему имбирный эль с размешанной в нем чайной ложкой бренди “Мак-Кормик”. А когда он хочет выйти из дома, чтобы провести вечерок с приятелями, говорит...»

– Прошу вас! – поднял руку Барри. – Оставьте и нам что-нибудь!

И все рассмеялись – кроме Эмили.

В «Клубе Уздечка» им предстояло выступить три вечера, однако во второй Эмили смотреть их не пошла. Бродила почти до десяти вечера по городу, оглядывая темные витрины «Кресги», «Магазина одежды Линн», «Мира вязания». Время от времени мимо пролетала набитая подростками машина, и те что-то кричали ей, однако Эмили не обращала на них внимания. Она казалась себе настолько старой по сравнению с ними, что удивлялась, как они вообще ее замечают.

В аптеке, единственном из оставшихся к тому времени открытыми заведениями, она купила дорожную косметичку на молнии с пустыми пластмассовыми пузырьками и крошечным тюбиком «Пепсодента». Денег у нее и Леона в это время практически не было. Спали они раздельно – Эмили и другие две женщины в ночлежке «ИМКА», мужчины в фургоне. Уж никак не могли себе позволить косметичку ценой в 4,98 доллара. Эмили, и виноватая, и довольная, торопливо вернулась в свою комнату и начала перебирать вещи – тщательно перелила в один из пузырьков лосьон для рук, вставила в виниловую петельку косметички свою серебряную расческу. Строго говоря, косметикой она почти не пользовалась, места в запиравшейся на молнию сумочке было куда больше, чем требовали ее принадлежности. Не следовало ее покупать. Эмили не могла даже попросить, чтобы ей вернули деньги, – пузырек-то она уже использовала. Ее начало подташнивать. Она порылась в своем чемодане, отбрасывая белые школьные блузки, джинсы, скудное нижнее белье (если носишь только леотарды, белье не требуется). Когда она закончила, в чемодане остались только два запасных леотарда, две запасные юбки, ночная рубашка и косметичка. А стоявшая у ее кровати небольшая картонная корзинка для мусора наполнилась полупрозрачными, смятыми, дешевенькими ненужностями.

Третье представление в «Уздечке» отменилось, вместо них выступила подруга двоюродного брата владельца, исполнительница жестоких романсов. «Я и не знал, что они еще существуют», – признался Леон. Выглядел он подавленным. По словам Леона, он уже не был уверен, что получаемый им опыт ценен настолько, насколько он ожидал. Однако Барри Мэй, бывший более-менее лидером их группы, сдаваться отказывался. Он хотел попытаться удачи в Балтиморе, где, говорил он, полным-полно баров. А кроме того, у одного из них, у Виктора Эппла, жила в Балтиморе мать, которая могла бесплатно их приютить.

Едва попав в Балтимор, Эмили поняла, что ничего у них тут не выйдет. Они долго колесили по городу (Виктор умудрился заблудиться), и тот показался ей тесным, зажатым: все эти сумрачные, стоящие вплотную однотипные дома, некоторые шириной всего в одну комнату; проулки, заваленные старыми крышками, бутылками, кроватными пружинами; крылечки, на которых горбились никчемные с виду, бессмысленные люди. Зато мать Виктора понравилась ей сразу. Миссис Эппл была рослой веселой женщиной с размашистой походкой, короткими седыми волосами и обветренным лицом. Она владела магазином под названием «Мастера на все руки», равно как и домом, в котором тот находился, – в комнатах жили всякого рода ремесленники, и некоторые, пока не встали на ноги, платили за проживание деньги чисто символические. Она отвела актерам квартиру на третьем этаже, немеблированную, обветшалую, но чистую. Ее разделял надвое темный коридор, с одной стороны

которого располагались гостиная и спальня, а с другой – кухня и еще одна спальня. Коридор упирался в старенькую ванную комнату, прямо перед окном которой давным-давно вырос другой дом. Ничего, кроме старых губчатых кирпичей, увидеть из этого окна было нельзя, что Эмили непонятно почему утешало. Только этот вид и внушал ей тогда уверенность в завтрашнем дне.

Ныне она думала, что, осваиваясь в новых местах, человек расходует какие-то фрагменты своей личности. И большие куски ее собственной были отломлены и оставлены в Нью-Йорке, Филадельфии, Хейтсвилле – в городах, где она аккуратно раскладывала по чужому облупленному комоду принадлежавшую когда-то ее матери серебряную расческу и щетку для волос и пыталась изобразить близкое знакомство с чужими облезлыми стенами и растрескавшимися потолками. Она хвостом ходила за миссис Эппл – просто ничего не могла с собой поделать. Вытирала в магазине пыль с резьбы мебели ручной работы, научилась управляться с кассовым аппаратом. Обслуживала в часы бойкой торговли покупателей – не за плату, а лишь ради солнечных запахов свежего дерева и только что сотканной ткани, ради живого, нецеремонного дружелюбия миссис Эппл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.